РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ“.

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. **9-ое Декабря 1912 г.** **№ 4.**

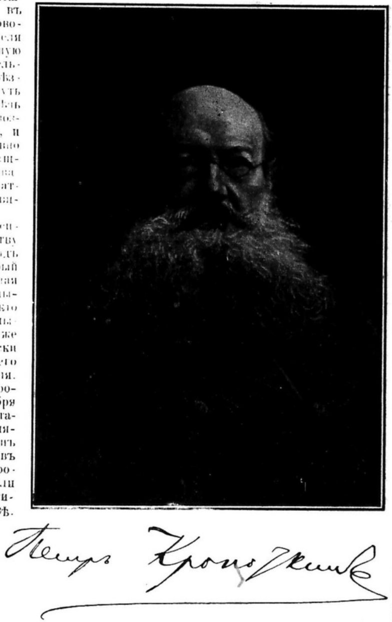
Петръ Кропоткинъ.

Біографическій очеркъ.

9 декабря текущаго года исполнится 70 лѣтъ со дня рожденія создателя теоріи современнаго коммунистическаго анархизма Петра Алексѣевича Кропоткина.

Когда мы останавливаемся на личности крупнаго мыслителя, насъ всегда прежде всего интересуетъ генезисъ его міровоззрѣнія, происхожденіе его системы. Но въ умственной и духовной эволюціи *каждаго* мыслителя несомнѣнно играютъ большую роль внѣшнія обстоятельства его жизни. Тѣмъ рѣзче приходится подчеркнуть эту зависимость, когда рѣчь идетъ о *соціальныхъ* воззрѣніяхъ *революціонера*, и въ особенности неразрывно связано теоретическое мышленіе съ личными переживаніями и жизненными впечатлѣніями Петра Алексѣевича Кропоткина.

Его этико-соціальная система — по преимуществу продуктъ размышленія надъ тѣмъ матеріаломъ, который давала ему его разнообразная и богатая соціальнымъ опытомъ жизнь. И потому, кто хочетъ знать Кропоткина-мыслителя, долженъ также внимательно читать «Записки революціонера», какъ и его теоретическія произведенія.



Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ родился 9 декабря 1842 года въ Москвѣ на Старо-Конюшенной. Родъ князей Кропоткиныхъ — одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ Россіи; онъ ведетъ свое происхожденіе отъ внука великаго князя кіевскаго Мстислава Удалого. Петръ Алексѣевичъ лишился матери въ раннемъ дѣтствѣ, и маленькій Петенька, вмѣстѣ съ братьями и сестрой, выросъ на попеченіи крѣпостной прислуги. «Что бы съ нами стало, — говоритъ П. А. въ «Запискахъ революціонера», — если бы насъ не окружала, въ лицѣ нашихъ крѣпостныхъ слугъ, атмосфера любви, столь необходимая дѣтямъ».

Въ 1857 году Петръ былъ помѣщенъ въ пажескій корпусъ. Въ 1861 г., въ качествѣ перваго ученика, былъ произведенъ въ фельдфебели пажскаго корпуса, что связано съ должностью камеръ-пажа императора. Это назначеніе могло имѣть большое значеніе для его карьеры, такъ какъ, благодаря должности камеръ-пажа, онъ сталъ лично извѣстенъ императору. Но молодой пажъ уже тогда не чувствовалъ влеченія къ военной или придворной карьерѣ. Онъ мечталъ о поступленіи въ университетъ, но такъ какъ отецъ никогда бы на это не согласился, а денегъ для того, чтобы начать новую самостоятельную жизнь взять было неоткуда, то Петръ Кропоткинъ, выпущенный въ 1862 году въ офицеры, рѣшилъ уѣхать, по крайней мѣрѣ, куда-нибудь подальше отъ двора. Велико было удивленіе товарищей, когда Петръ Кропоткинъ, который могъ начать службу въ лучшемъ гвардейскомъ полку, выбралъ Амурскій конный казачій полкъ. Въ этомъ выборѣ вступавшій въ практическую жизнь юноша, руководился двумя соображеніями. Восточная Сибирь была въ то время очень мало изслѣдована, а его уже тогда тянуло къ географическимъ изслѣдованіямъ. Во-вторыхъ, Сибирь представляла собой «безконечное поле для примѣненія тѣхъ реформъ, которыя были выработаны или задуманы».

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, 19-тилѣтній офицеръ былъ назначенъ адъютантомъ начальника штаба Восточной Сибири, временно занимавшаго постъ губернатора Забайкальской области. До сибирскихъ администраторовъ въ то время еще не докатилась реакціонная волна, и они пытались провести въ жизнь начала «великихъ реформъ». Кропоткинъ сталъ секретаремъ двухъ комитетовъ: для реформы тюремъ и всей системы ссылки и для выработки проекта городского самоуправленія. Онъ ухватился за работу со всѣмъ энтузіазмомъ девятнадцатилѣтняго юноши, но разработанные имъ и его товарищами по службѣ проекты никогда не были проведены на практикѣ. Правительство послѣ польскаго возстанія 1863 года уже безудержно устремилось въ сторону реакціи.

Весной 1863 года Петръ Кропоткинъ поѣхалъ на Амуръ, въ качествѣ помощника начальника сплава продовольствія для войскъ и переселенцевъ въ низовьяхъ Амура. Вскорѣ онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, по казачьимъ дѣламъ. Такъ какъ эта должность отнимала мало времени, то Кропоткинъ получилъ возможность отдаться географическимъ изслѣдованіямъ въ Манчжуріи. Въ 1866 году онъ изслѣдовалъ западные Саяны, открылъ нѣсколько новыхъ данныхъ для построенія схемы орографіи Сибири и нашелъ другую важную вулканическую область на границѣ Китая. Въ 1866 году Кропоткинъ открылъ прямой путь съ Олекминскихъ пріисковъ на Забайкалье.

Занимаясь съ увлеченіемъ географическими изслѣдованіями, Петръ Кропоткинъ не превратился, однако, въ узкаго спеціалиста. Его интересовали не только горы и равнины, но и въ не меньшей, если не въ большей степени, и люди, которые ихъ заселяютъ, ихъ горе и нужда.

«Годы, которые я провелъ въ Сибири, — говоритъ П. А. въ «Запискахъ революціонера», — научили меня многому, чему я врядъ ли могъ бы научиться въ другомъ мѣстѣ. Я быстро понялъ, что для народа рѣшительно невозможно сдѣлать ничего полезнаго при помощи административной машины. Съ этой иллюзіей я распростился навсегда. Затѣмъ я сталъ понимать не только людей и человѣческій характеръ, но также скрытыя пружины общественной жизни. Я ясно сознавалъ созидательную работу невѣдомыхъ массъ, о которыхъ рѣдко упоминается въ книгахъ, и понялъ значеніе этой построительной силы въ ростѣ общества. Я видѣлъ, напримѣръ, какъ духоборы переселялись на Амуръ; видѣлъ, сколько выгодъ давала имъ ихъ полукоммунистическая жизнь... «Я жилъ также среди бродячихъ инородцевъ и видѣлъ, какой сложный общественный строй выработали они помимо всякаго вліянія цивилизаціи»...

Изъ своего шестилѣтняго административнаго опыта Петръ Кропоткинъ вынесъ убѣжденіе въ ложности принципа дисциплины. «Дисциплина, — говоритъ онъ тамъ же, — хороша на военныхъ парадахъ, но ничего не стоитъ въ дѣйствительной жизни, гдѣ результатъ часто можетъ быть достигнутъ лишь сильнымъ напряженіемъ воли всѣхъ, направленной къ общей цѣли»... «Хотя я еще тогда не формулировалъ моихъ мыслей словами, заимствованными изъ боевыхъ кличей политическихъ партій, я все-таки могу сказать теперь, что въ Сибири утерялъ всякую вѣру въ государственную дисциплину; я былъ подготовленъ къ тому, чтобы сдѣлаться анархистомъ».

Въ 1867 году Петръ Кропоткинъ вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ братомъ и его семьей поселился въ Петербургѣ. Онъ поступилъ въ университетъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета. Университетскія занятія, и научныя работы поглотили все его время въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Занимаясь математикой, Кропоткинъ часть своего времени удѣлялъ географіи. За это время онъ выполнилъ большую научную работу, которую онъ самъ считаетъ своимъ главнымъ вкладомъ въ науку.

Путешествія по Сибири убѣдили Кропоткина, что существовавшія въ то время карты по орографіи Азіи совершенно невѣрны, и онъ задался цѣлью составить новую карту по орографіи Сибири. Около пяти лѣтъ ушло у него на предварительную работу, и онъ намѣревался написать объемистую книгу, чтобы изложить ея результаты; но, когда Кропоткинъ въ 1873 г. увидѣлъ, что его скоро арестуютъ, онъ ограничился тѣмъ, что составилъ новую карту и приложилъ объяснительный очеркъ. Кропоткинская схема была принята впослѣдствіи большинствомъ картографовъ.

Кропоткинъ все больше и больше увлекался географическими работами. Онъ былъ секретаремъ отдѣленія физической географіи Географическаго Общества. Въ немъ зарождались новые планы научныхъ работъ, и въ особенности его увлекала мысль дать полное географическое описаніе всей Россіи. И для того, чтобы выполнить эту работу, онъ мечталъ о мѣстѣ секретаря Географическаго Общества, такъ какъ эта должность дала бы ему время и необходимую свободу для выполненія его плановъ. И вотъ, осенью 1871 года, Кропоткинъ получилъ предложеніе принять эту должность. «Мое желаніе, такимъ образомъ, осуществилось, — говоритъ П. А. — Но въ эту пору другія мысли и другія стремленія уже овладѣли мною, и, серьезно обдумавъ мое рѣшеніе, я телеграфировалъ въ отвѣтъ: «Душевно благодарю, но должность принять не могу».

Такимъ образомъ, Петръ Кропоткинъ отказался отъ своей завѣтной мечты. И причиной этого отказа было то, что къ этому времени уже болѣе или менѣе сложились его соціальные взгляды, и онъ считалъ преступнымъ отдаться всецѣло наукѣ, которая въ современномъ строѣ доступна лишь немногимъ. Онъ хотѣлъ отдать свои силы освобожденію трудящихся, чтобы и они могли современемъ испытать наслажденія, которыя наука и искусство даютъ въ настоящее время лишь избранному меньшинству.

Весной 1872 года Петръ Кропоткинъ впервые переѣхалъ границу. Одной изъ главныхъ цѣлей его поѣздки было ознакомленіе съ Интернаціоналомъ. Кропоткинъ направился сначала въ Цюрихъ, бывшій тогда однимъ изъ центровъ русской молодежи заграницей. Здѣсь Кропоткинъ погрузился въ изученіе соціалистической литературы того времени, но ему больше всего хотѣлось ознакомиться на практикѣ съ повседневной жизнью Интернаціонала. Для этого онъ направился въ Женеву, которая была однимъ изъ крупныхъ центровъ Интернаціонала.

Въ Женевѣ Кропоткинъ попалъ сначала въ кружокъ Николая Утина, но, ознакомившись съ тактикой марксистовъ, Кропоткинъ разочаровался въ нихъ и попросилъ Утина познакомить его съ бакунистами. Утинъ направилъ Кропоткина къ Николаю Жуковскому и при этомъ сказалъ: «да, вы больше не вернетесь къ намъ; вы у нихъ останетесь». Дѣйствительно, Кропоткинъ навсегда остался съ бакунистами.

Кропоткинъ поѣхалъ въ Юрскія горы, гдѣ въ Юрской Федераціи вырабатывались элементы новой соціальной системы, получившей впослѣдствіи названіе анархизма. Здѣсь онъ познакомился съ Джемсомъ Гильомомъ, Малономъ, Адэмаромъ Швицгебелемъ и другими дѣятелями лѣваго крыла Интернаціонала. Въ это путешествіе Петръ Кропоткинъ сдѣлался анархистомъ. Здѣсь, въ юрскихъ горахъ, завершилось развитіе взглядовъ, зародившихся въ немъ еще въ Сибири. Теоретическія положенія анархизма, развитыя Бакунинымъ и революціонный характеръ агитаціи среди юрцевъ окончательно склонили его въ сторону безгосударственнаго соціализма.

Выполнивъ задачи своей заграничной поѣздки, Кропоткинъ вскорѣ возвратился въ Россію. Онъ поспѣшилъ, конечно, подѣлиться съ друзьями привезенными имъ съ собой контрабанднымъ путемъ книгами и впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства съ Международнымъ Обществомъ Рабочихъ. Вскорѣ онъ вступилъ въ кружокъ Чайковскаго. Зимою 1872 года Кропоткинъ началъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ, подъ именемъ Бородина. Полиція вскорѣ узнала о его лекціяхъ и усердно стала разыскивать Бородина, и, наконецъ, по указанію одного изъ знавшихъ его рабочихъ, его арестовали на улицѣ.

Кропоткинъ просидѣлъ два года въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Въ началѣ 1876 года онъ, по болѣзни, былъ переведенъ въ Николаевскій госпиталь и оттуда бѣжалъ. Побѣгъ Петра Кропоткина подробно описанъ въ «Подпольной Россіи» Степняка, и онъ самъ художественно разсказываетъ о немъ въ «Запискахъ революціонера».

Послѣ удачно выполненнаго побѣга Кропоткинъ направился въ Западную Европу и черезъ нѣкоторое время очутился въ Лондонѣ, гдѣ познакомился съ Лавровымъ и другими членами группы журнала «Впередъ».

Но Кропоткинъ недолго оставался въ Лондонѣ. Его тянуло къ практической революціонной работѣ въ средѣ европейскаго пролетаріата, и онъ поспѣшилъ туда, гдѣ могъ съ наибольшимъ успѣхомъ приложить свои силы. Списавшись съ Джемсомъ Гильомомъ, онъ отправился въ Швейцарію къ бакунистамъ Юрской Федераціи.

Въ Швейцаріи Кропоткинъ нашелъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми онъ познакомился въ первую заграничную по-

ѣздку, цѣлый рядъ новыхъ талантливыхъ и преданныхъ революціонному дѣлу товарищей. Между ними были — Элизе Реклю, Лефрансе, Поль Бруссъ, Каріеро, Малатеста... Большинство русскихъ примыкало къ марксистамъ, но одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ эмигрантовъ того времени Николай Жуковскій былъ съ бакунистами.

Для Кропоткина «началась жизнь, полная любимой дѣятельности». Больше всего члены Юрской Федераціи занимались пропагандой анархистскихъ идей на собраніяхъ, устраиваемыхъ ими, или ходили на собранія, созываемыя политическими партіями. Въ день годовщины парижской коммуны Кропоткинъ и его товарищи приняли участіе въ демонстраціи съ краснымъ флагомъ въ Бернѣ, на которой произошло вооруженное столкновеніе съ полиціей.

Эта работа въ средѣ швейцарскихъ пролетаріевъ дала толчекъ къ дальнѣйшему развитію міросозерцанія Петра Кропоткина. «Главная наша дѣятельность, — пишетъ П. А., — состояла въ формулировкѣ соціалистическаго анархизма, въ теоріи и въ практическихъ его приложеніяхъ. И въ этомъ направленіи Юрская Федерація выполнила работу, которая не умретъ»...

«Что касается меня самого, — говоритъ онъ дальше, — то, находясь въ благопріятныхъ условіяхъ, я мало по малу пришелъ къ заключенію, что анархизмъ — нѣчто большее, чѣмъ простой способъ дѣйствія, или чѣмъ идеалъ свободнаго общества. Онъ представляетъ собою, кромѣ того, философію, какъ природы, такъ и общества, которая должна быть развита совершенно другимъ путемъ, чѣмъ метафизическимъ или діалектическимъ методомъ, примѣнявшимся въ былое время къ наукамъ, разсуждающимъ о человѣкѣ. Я видѣлъ, что анархизмъ долженъ быть построенъ тѣмъ же методомъ, какія примѣняются въ естественныхъ наукахъ; но не на скользкой почвѣ простыхъ аналогій, какъ дѣлаетъ это Гербертъ Спенсеръ, а на солидномъ фундаментѣ индукціи, примѣненной къ выработкѣ человѣчествомъ его учрежденій. И я сдѣлалъ все, что могъ въ этомъ направленіи».

Осенью 1877 года въ Бельгіи состоялись два конгресса: одинъ Международнаго Общества Рабочихъ въ Верьве, другой — интернаціональный соціалистическій конгрессъ въ Гентѣ. Кропоткинъ поѣхалъ на гентскій конгрессъ, и тамъ ему вмѣстѣ съ другими восемью анархистами удалось помѣшать осуществленію централистическихъ плановъ вожаковъ германской соціальдемократической партіи. Кропоткина чуть не арестовали въ Гентѣ, но ему удалось скрыться и уѣхать въ Англію. Изъ Англіи Кропоткинъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ къ тому времени стало замѣтно оживляться рабочее движеніе, раздавленное безпощаднымъ усмиреніемъ парижской коммуны. Здѣсь онъ нѣкоторое время работалъ въ средѣ парижскаго пролетаріата, основывая — вмѣстѣ съ Андреа Коста и Жюлемъ Гедомъ, бывшими тогда еще антипарламентаристами — первыя соціалистическія группы. Но въ апрѣлѣ 1878 года Коста былъ арестованъ. Кропоткинъ избѣжалъ ареста только вслѣдствіе ошибки полиціи. Черезъ мѣсяцъ онъ уѣхалъ въ Швейцарію, куда его вызвали товарищи.

Въ 1878 году, подъ вліяніемъ ряда покушеній на коронованныхъ лицъ, политическая реакція въ Европѣ приняла очень рѣзкія формы. Европейскія правительства напали на Швейцарію, считая, что она служитъ центромъ всѣхъ террористическихъ заговоровъ. Швейцарское правительство стало преслѣдовать революціонеровъ. Редакторъ газеты Юрской Федераціи «Avant-Garde» — Поль Бруссъ былъ приговоренъ къ долголѣтнему тюремному заключенію, и федерація осталась безъ органа.

Кропоткинъ, вмѣстѣ съ Дюмартрэ и Герцигомъ, основали въ Женевѣ двухнедѣльную газету «Le Revolté». Эта газета и до сихъ поръ выходитъ въ Парижѣ подъ названіемъ «Les Temps Nouveaux». Для «Revolté» Кропоткинымъ были написаны лучшія его агитаціонныя статьи, которыя впослѣдствіи были изданы Элизе Реклю отдѣльной книгой подъ заглавіемъ, имъ придуманнымъ —«Paroles d'un Revolté» —«Рѣчи Бунтовщика». Постепенно въ редакцію «Le Revolté» вошелъ и Элизе Реклю, а послѣ ареста Кропоткина онъ всецѣло отдался газетѣ.

Періодъ издательства «Revolté» былъ однимъ изъ самыхъ активныхъ отъ жизни П. А. Кропоткина. Вотъ какъ рисуетъ его въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Вѣстн. Евр.», въ статьѣ «За рубежемъ», Л. Г. Дейчъ, встрѣтившійся съ нимъ въ это время въ Женевѣ:

«Ниже средняго роста, лѣтъ 35-ти на видъ, съ большой свѣтло-русой бородой, совершенно лысый, въ очкахъ, Кропоткинъ нисколько не напоминалъ революціонера-анархиста. Онъ былъ чрезвычайно подвиженъ, говорилъ быстро плавно и съ перваго раза производилъ очень благопріятное впечатлѣніе своей простотой, очевидной искренностью и добротой... Жилъ онъ очень скромно, занимая отъ хозяйки одну меблированную комнату (онъ былъ тогда холостымъ человѣкомъ), столовался въ той же демократической кухмистерской, какъ и всѣ несемейные эмигранты, и одѣвался не лучше — если не хуже любого европейскаго рабочаго. Кропоткинъ былъ всегда заваленъ работой, писалъ въ разные ученые органы, переводилъ для нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ съ иностранныхъ языковъ, которыхъ зналъ множество; но болѣе всего времени отнимали у него, кромѣ издаваемаго французскаго листка (Le Revolté), частыя выступленія на анархическихъ собраніяхъ. Онъ считался выдающимся ораторомъ. Дѣйствительно, Кропоткинъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для вліянія на массы: привлекательной внѣшностью, страстностью и пламенностью, хорошимъ голосомъ и дикціею. По всесторонности развитія онъ несомнѣнно стоялъ значительно выше всѣхъ тогдашнихъ послѣдователей Бакунина, не исключая и Реклю».

Объ ораторскомъ талантѣ Кропоткина много лѣтъ тому назадъ писалъ Степнякъ:

«Онъ замѣчательный агитаторъ. Одаренный отъ природы пылкой, убѣдительной рѣчью, онъ весь превращается въ страсть, лишь только всходитъ на трибуну. Подобно всѣмъ истиннымъ ораторамъ, онъ возбуждается при видѣ слушающей его толпы. Тутъ онъ совершенно преображается. Онъ весь дрожитъ отъ волненія; голосъ его звучитъ тономъ глубокаго, искренняго убѣжденія человѣка, который вкладываетъ всю свою душу въ то, что говоритъ. Рѣчи его производятъ громадное впечатлѣніе, благодаря именно силѣ его воодушевленія, которое сообщается другимъ и электризируетъ слушателей. Когда, по окончаніи рѣчи, блѣдный и взволнованный, Кропоткинъ сходитъ съ трибуны, вся зала гремитъ рукоплесканіями».

Пишущему эти строки впервые пришлось увидѣть П. А. Кропоткина въ 1907 году въ Парижѣ. Въ залѣ на Avenue de Choisy, отвѣчая на привѣтствія русской эмигрантской молодежи и французскихъ рабочихъ, П. А. Кропоткинъ произнесъ маленькую рѣчь. Петръ Алексѣевичъ, весь дрожа отъ волненія, говорилъ о русской революціи и о ея задачахъ, и волненіе это быстро охватило всѣхъ собравшихся. Никогда я не видалъ такого выраженія лицъ у слушателей, какъ въ этотъ памятный вечеръ. Мы услышали агитатора, какихъ немного рождается на свѣтѣ. И я вспомнилъ приведенную выше характеристику Степняка. Петръ Кропоткинъ остался тотъ же. Онъ состарился тѣломъ, но не духомъ. Все та же пламенная вѣра въ конечное торжество соціальной революціи звучала въ его голосѣ, какъ и много лѣтъ тому назадъ на собраніяхъ Юрской Федераціи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства Александра II, Петръ Кропоткинъ былъ изгнанъ изъ Швейцаріи. Въ это же время онъ узналъ о смертномъ приговорѣ, вынесенномъ ему «Священной Лигой». Онъ вмѣстѣ съ женой переѣхалъ въ Лондонъ, но, проживъ тамъ около года, онъ убѣдился, что въ Англіи рабочее движеніе переживало періодъ глубокой реакціи, и рѣшилъ переѣхать во Францію, въ городокъ Тононъ на берегу Женевскаго озера.

Въ это время анархическое движеніе во Франціи значительно разрослось. Въ концѣ 1882 году въ ліонскомъ округѣ въ производствѣ шелка свирѣпствовалъ кризисъ, и рабочіе все болѣе и болѣе озлоблялись противъ богатыхъ. Въ кафе театра Белькуръ взорвался динамитный патронъ, на слѣдующій день динамитный патронъ взорвался въ дверяхъ рекрутскаго присутствія,

и вдобавокъ пошли слухи, что анархисты намѣреваются взорвать статую Богородицы, близъ Ліона.

Ліонскія власти стали «принимать мѣры». Арестовано было 60 анархистовъ. Въ ночь на 21 декабря былъ арестованъ въ Тононѣ и Петръ Кропоткинъ; у него на рукахъ за 3 часа передъ арестомъ умеръ шуринъ.

Французское правительство не могло судить анархистовъ за взрывы, такъ какъ такія дѣла подлежали суду присяжныхъ. И поэтому арестованныхъ анархистовъ, на основаніи закона, изданнаго послѣ паденія коммуны, предали полицейскому суду за принадлежность къ Международному Союзу Рабочихъ.

Всѣ 52 анархиста были приговорены къ тюремному заключенію, причемъ четырехъ, въ томъ числѣ и Кропоткина, приговорили къ максимальному наказанію — къ пяти годамъ тюрьмы.

Въ срединѣ января 1886 года Кропоткинъ вмѣстѣ съ Луизой Мишель и еще тремя товарищами были амнистированы; другіе анархисты были освобождены нѣсколькими мѣсяцами раньше. Кропоткинъ уѣхалъ въ Парижъ, но, прочитавши лекцію объ анархизмѣ предъ публикой, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, оставилъ Парижъ и уѣхалъ въ Лондонъ, такъ какъ ему все-равно предстояла высылка.

Въ Лондонѣ П. А. Кропоткинъ усиленносталъ работать надъ разработкой теоріи коммунистическаго анархизма. Вмѣстѣ съ другими товарищами онъ основалъ на англійскомъ языкѣ анархическій еженедѣльный журналъ «Freedom», который живетъ и до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ посылать статьи въ «La Revolte» (продолженіе закрытаго «Le Revolté»). Эти статьи въ переработанномъ видѣ вышли впослѣдствіи подъ названіемъ «La Conquête du Paine» («Хлѣбъ и Воля»). Въ журналѣ «Nineteenth Century» П. Кропоткинъ помѣстилъ рядъ статей по экономическимъ вопросамъ, которыя потомъ вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Fields, Factories and Workchops». Затѣмъ П. А. приступилъ къ своему выдающемуся въ научномъ отношеніи, весьма важному для теоретическаго обоснованія коммунистическаго анархизма, труду: «Mutual Aid; a factor of Evolutin» (въ русскомъ переводѣ «Взаимопомощь среди животныхъ и людей»). Къ этому же періоду относятся его замѣчательныя работы: «Государство и его роль въ исторіи», «Справедливость и нравственность», «Современная наука и анархизмъ», «Анархія, ея философія, ея идеалъ» и «Анархистская этика». И, наконецъ, въ самые послѣдніе годы П. А. Кропоткинъ закончилъ свой трудъ по Исторіи французской революціи.

Семидесятилѣтній юбилей застаетъ Петра Алексѣевича въ полномъ расцвѣтѣ его творческихъ силъ, и мы вправѣ надѣяться, что и въ дальнѣйшіе годы своей жизни нашъ дорогой учитель своими новыми произведеніями будетъ содѣйствовать приближенію соціальной революціи, мечты всей его жизни.

М. Раевскій.

СПИСОКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ П. А. КРОПОТКИНА.

Составленъ подъ редакціею М. Петлау.

Революціонныя произведенія.

Программа кружковъ Чайковцевъ, въ рукописи, которой имѣлось два экземпляра; оба отобраны русской полиціей. Нѣкоторыя выдержки цитированы въ обвинительномъ актѣ по процессу 193-хъ.

П. А. Кропоткинъ авторъ *конца* революціонной брошюры ***Пугачевщина***, печатанной въ Цюрихѣ, въ 1873 г. (Здѣсь П. А. говоритъ о будущемъ свободномъ обществѣ послѣ соціальной революціи въ Россіи.

Авторъ корреспонденцій озъ Англіи, о славянскомъ вопросѣ и русскомъ движеніи, а также нѣсколькихъ статей въ Bulletin de la Fédération jurassiene de l'Association internationale des Travailleurs. (1876—78).

Авторъ въ Avant-Garde, органѣ франц. федераціи Интернаціонала (Chaux-de-Fonds.), части докладовъ Ліонскому Конгрессу французскихъ рабочихъ 1878 г., относительно вопросовъ, поставленныхъ на очередь дня этимъ конгрессомъ.

Сотрудничалъ въ „Arbeiter Zeitung", первой анархической газетѣ на нѣмецкомъ языкѣ (Бернъ, 1876—77 г.) и въ „Mirabeau", органѣ бельгійскаго Интернаціонала, выходившемъ въ Вервье.

Съ 24 февраля, 1879 г. былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ въ „Le Révolté" (Женева), затѣмъ сотрудничество его продолжалось въ „La Révolte" и „Les Temps Nouveaux", смѣнившихъ „Révolté".

По прибытіи въ Англію въ началѣ 1886 г. (послѣ послѣдняго тюремнаго заключенія въ Клерво), онъ непродолжительное время сотрудничалъ въ газетѣ „The Anarchist" (въ 1886 г.), а съ основаніемъ газеты „Freedom", выходящей понынѣ (октябрь, 1886 г.), принялъ дѣятельное участіе въ этой послѣдней; статьи его въ этой газетѣ безъ подписи.

ольшая часть брошюръ П. А. Кропоткина и книги *Рѣчи Бунтовщика* и *Хлѣбъ и Воля* составлены изъ статей, пересмотрѣнныхъ и дополненныхъ имъ, напечатанныхъ въ вышеназванныхъ газетахъ, въ особенности въ „Le Révolté" и „La Revolte".

Paroles d'un Révolte. (Paris, 1885). Переведена на русскій и др. яз. На русскомъ яз. издана полностью и въ Россіи подъ заглавіемъ *Рѣчи Бунтовщика*. (Петербургъ, 1906). Многія главы этой книги отпечатаны отдѣльными брошюрами и переведены на многіе языки, такъ, напр., 6-я глава *Къ молодымъ людямъ* переведена на 16 языковъ.

La Conquête du Pain. (Paris, 1892), переведена на многіе языки. На русскомъ яз. существуетъ два изданія: *Хлѣбъ и Воля*. (Лондонъ, 1902), и *Завоеваніе Хлѣба*. (Петербургъ, 1905). Многія главы изданы отдѣльными брошюрами.

Le Procès Solovieff. (La vie d'un socialiste russe). Genève, 1879.

Idée anarchiste au point de vue de sa réalisation pratique. Conclusion d'un travail sur ce sujet par le comp. Levachoff à la réunion de la Fédéraiion jurassienne du 12 octobre, 1879.

La vérité sur les Exécutions en Russie, suivie d'une Esquisse biographique sur Sophie Perovskaja. Genève, 1881 г.

L'Anarchie dans l'Evotution socialiste. Переведена на 8 языковъ.

Les Prisons. „Révolté", августъ, 1886 г.

Influence morale des prisons sur les prisonniers, Conférence faite le 20 décembre 1887 à la salle Rivoli. „Révolté", декабрь, 1887 г. Отпечатано отдѣльной брошюрой, которая переведена на многіе языки.

In Russian and French Prisons. (London, 1887 г., Лондонъ, 1902. Издано также въ СПБ, 1906. Имѣется русскій переводъ.

The Paris commune. A speech delivered... at the commemoation at South Place (London) on the 17-th of March, 1887. „Freedom", апрѣль, 1887 г.

Past and Future (рѣчь), тамъ же, 1889 г.

The Commune of Paris (рѣчь, произнесенная въ 1891 г.). „Freedom", апр. 1891 г.

La Grande Révolution (брошюра, 1893 г.). Перевед. на мн. языки. Русскаго перевода не существуетъ.

Un siècle d'attente. Переведена на многіе языки, въ томъ числѣ на русскій: *Вѣкъ ожиданія*, Москва, 1907.

Le vingtieme siècle. (Рядъ статей изъ газ. „La Révolte").

La Morale anarchiste, 1891 г. Переведена на мн. яз.

Le Capital et la Révolution. (Статья изъ „La Révolte", 1891 г.).

Etude sur la Révolution. („La Révolte", іюль—ноябрь, 1891 г.).

Les Temps Nouveaux. (брошюра, 1894).

L'Anarchie, sa Philosophie, son Idéal, 1896. Перев. на многіе языки.

Memoirs of a Revolutionist. (Лондонъ, 1899). 2 тома. На русскій яз. переведена подъ заглавіемъ: *Записки Революціонера*, Лондонъ, 1902. Издано также въ СПБ, 1906.

Russian Literature. (Лондонъ, 1905). Перев. на русскій яз.

La Grande Révolution, 1789—1793. (Paris, 1909 г.). Перев. на итальянскій, нѣмец. и англ. яз. (Книга).

The Terror in Russia, an appeel to the British nation. (London, 1909 г.), перев. на франц. и др. яз.

Elisée Reclus (изъ „The Geographical Journal", Лондонъ).

Organisation de la Vindicte appelée Justice (Paris, 1900). Переведена на русскій яз. и помѣщена въ *Докладахъ международному революціонному Конгрессу 1900 г.* (Лондонъ, 1902 г.).

The State: its historie role („Freedom Pamphlet", № 11). Лондонъ, 1902 г.; русскій перев. подъ заглавіемъ *Государство и его роль въ исторіи*.

Современная наука и анархизмъ. (Лондонъ, 1901 г.). Перепечатана въ Москвѣ, 1906 г.

Moderne Science and Anarchism. (London, 1912).

Socialism and Politica. (Freedom Pamphlet, 14, 1903 г.).

The Coming Revival of Socialism. (Freedom Pamphlet, № 15, 1904 г.).

Русская Революція (брошюра, изъ газеты „Хлѣбъ и Воля", № 16).

Различныя письма, адресованныя въ разныя анархическія газеты, а также отчеты о многочисленныхъ рѣчахъ П. А. Кропоткина съ выдержками изъ этихъ рѣчей.

Статья Anarchism. („Encyclopædia Britannica", т. I, 1910 г.).

Статья Anarchisme для „Encyclopædie Syndicaliste". (Paris, 1912 г.).

Различныя *предисловія* къ книгамъ Степняка, Пужэ и др.

П. А. Кропоткинъ сотрудничалъ въ газетѣ „Хлѣбъ и Воля", издававшейся въ Женевѣ (1903 — 1905); въ „Листкахъ Хлѣбъ и Воля", издававшихся въ Лондонѣ 1906 — 1907); (въ этой газетѣ

онъ былъ главнымъ редакторомъ); въ журналѣ „Хлѣбъ и Воля"' издававшемся въ Парижѣ въ 1910 г.

Революціи политическая и экономическая. Наше отношеніе къ крестьянскимъ и рабочимъ союзамъ. (Русская Ровољюція и Анархизмъ. Доклады, читанные на съѣздѣ коммунист.-анархистовъ, 1906 г. Подъ редакціей П. Кропоткина. Лондонъ, 1907 г.).

Парижская Коммуна. (Изд. листковъ „Х. и В.", № 2. Лондонъ, 1907 г.), написанная спеціально для русскаго изданія.

L'opera reazionaria della Democrazia sociale (брошюра, перев. изъ газ. „Temps Nouveaux", 1910 г.).

La Guerra. Causa ed effetti. Женева 1911 г.

Анархія. Изданіе листковъ „Х. и В.". № 6, 1912 г. Написана спеціально для этого изданія.

П. А. Кр. сотрудничалъ (1881 г.) въ „Newcastle Weekly Cronicle", Жозефа Коуэна; написалъ одну стать) дня Fortnightly Review, двѣ-три статьи для Pale Mall Gazette (о русскихъ крестьянахъ) и массу статей въ Nineteenth Century. Въ этомъ послѣднемъ журналѣ онъ пишетъ о Россіи.

Russian Prisons „Nineteenth Century", январь, 1883.

The Fortress Prison of St-Petersbourg (ib., іюнь, 1883).

Outcast Russia, 1. The Jorncy to Siberia (ib. декабрь, 1883 г.).

The Exile in Siberia (ib., мартъ, 1884 г).

The Scientific Basis of Anarchy (ib. февраль, 1887). Переведена на многіе европейскіе языки. Русскаго перевода не существуетъ.

The Breakdown of our industrial system (ib., апрѣль, 1888 г.).

The Coming Reign of Plenty (ib. іюнь, 1888).

The Industrial Village of the Future (ib. октябрь, 1888 г.).

Communist Anarchism. A speech delivered... at the Freedom Greup meeting, March 15-th 1888. „Freedom", Апрѣль, 1888 г.

Brain Work and Manual Work. ib. мартъ, 1890 г.

The Small Industriels of Britain. „Nin. Cent.", августъ, 1900 г.

Изъ этихъ статей П. А. Кр. сдѣлалъ потомъ книгу подъ заглавіемъ:

Fields, Factories and Workshops. (London, 1901 г.). Перев. на франц. языкъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года вышло второе изданіе этой книги, исправленной и дополненной авторомъ. (London, Thomas Nelson and Sons, 1912).

Intensive Agriculture. „The Forum", New-Iork, іюнь, 1891 г.

The Population of Russia „The Geographikal Journal". Августъ, 1897 г.

Co-operation in Russia. „The American Co-operative News". Boston, ноябрь, 1897 г.

Rnssia and the Students Riots. „The Outlook", New-York, апрѣль, 1091 г.

The Russians in Manchuria. „The Forum", New-York, май, 1901 г.

The Presnt Crisis in Russia. „The North American Review", New-York, май, 1901 г.

Russian Schools and the Holy Synod (ib., апрѣль, 1902 г.).

Maxim Gorky. „The Independent", New-York, декабрь, 1904 г.

Tolstoy's Influence in Russia (ib., декобрь, 1910 г).

The New departure in Russia. „The Speacer", London, ноябрь, 1905.

The Revolution in Russia (ib. декабрь, 1905 г.).

Большое число писемъ, посланныхъ въ „Times", по поводу русскихъ событій, напр., 19 декабря 1906 г., 27 іюля 1909 г. и т. д.

Изъ статей, печатавшихся въ „Nin. Cent." въ періодъ отъ 1891 до 1896 г., подъ заглавіемъ: Mutual Aid among Animals, Mutual Aid among Savages, Mutual Aid among the Barbarians, Mutual Aid in the Medieval City, Mutual Aid among modern men, Mutual Aid among ourselves, составлена книга, исправленная и дополненная авторомъ, подъ заглавіемъ:

Mutual Aid, a factor of evolution. (London, 1902 г.). Перев. на многіе яз., въ томъ числѣ на русскій; подъ заглавіемъ: *Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи.*

Рядъ статей П. А. Кропоткина, въ томъ же „Nin. Cent.", за періодъ отъ 1904 по нынѣшній годъ:

The Ethical Needs the Present dog (апрѣль, 1904 г.).

The Morality of Nature (мартъ, 1905 г.).

The Theory of Evolution and Mutual Aid (январь, 1910 г.).

The Direct Action of Environment (іюль, 1910 г.).

The Response of the Animals to plants Environment (ноябрь и декабрь, 1910 г.).

The Inheritance of acqnired characters (мартъ, 1912 г.). Эти статьи ппслужили основой двумъ новымъ книгамъ, которыя онъ готовитъ къ печати: *объ Этикѣ и о Взаимопомощи и борьбѣ за существованіе.*

Научныя произведенія.

Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи. (Первая статья, появившаяся въ печати; рецензія о статьяхъ Шелгунова въ „Современникѣ"). „Книжный Вѣстникъ", 31 декабря 1861 г. стр. 445. СПБ.

Корреспонденціи изъ Сибири. („Современная Лѣтопись", еженедѣльное прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", начиная съ августа или сентября мѣсяца 1862 года. Когда Катковъ сдѣлался реакціонеромъ, эти корреспонденціи стали печататься (въ 1863 г.) въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ".

Первая сельско-хозяйственная Забайкальская выставка. Чита, 1862 г., 8°; брошюра, которую теперь нельзя найти.

Двѣ поѣздки въ Маньчжурію въ 1864 году. „Записки Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества", книга VIII стр. 1—120. Иркутскъ, 1864 или 1865 г. Статья о первой изъ этихъ поѣздокъ напечатана въ „Русскомъ Вѣстн.", 1864 или 65 г.

Tremblement de terre de 1862 dans les environs du lac Baïcal, по франц. „Rendiconti della R. Academia delle scienze fisiche e matematiche di Napoli", fasciculo 6, giugno 1865. Существуетъ отдѣльный оттискъ.

Поѣздка въ Окинскій Караулъ. „Записки Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва. Иркутскъ, 1865 г., стр. 94.

Предварительный отчетъ о Витимской экспедиціи 1866 г. „Записки Сиб. От. Рус. Геогр. О-ва". Иркутскъ, 1866 г.

Reise im Olekminsk — Witimschen Gebiete. Januar, 1866. Vorlaüfiger Bericht (на нѣм. яз.). „Petermann's Geographishe Mittheilungen, Gotha, 1867, стр. 161 — 166. Былъ также отдѣльный оттискъ.

Подробный отчетъ о процессѣ польскихъ революціонеровъ, взбунтовавшихся на байкальской дорогѣ, въ 1866 г. „Биржевыя Вѣдомости", въ концѣ 1866 или въ началѣ 1867 г.

Переводъ, совмѣстно съ Александромъ Кропоткинымъ (братомъ) книги: The philosophy of Geology by David Page (London, 1863). Издана въ Петербургѣ.

Естествознаніе. Рядъ статей о естественныхъ наукахъ; печатались въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" (7 статей, отъ 28 октября 1867 г. по 22 іюня 1868 г. П. Кропоткина, а 8-я и послѣдняя Александра Кропоткина).

Цѣлый рядъ переводныхъ статей въ газетѣ „Дѣятельность", въ послѣдніе мѣсяцы 1868 г.

Geognostisches über den Kreis Mesche wsk im Gouvernement Kaluga. Moskau, 1870 г. Въ Бюллетенѣ „Общества Изслѣдователей Природы".

Русскій перезодъ книги Герберта Спенсера *Принципы біологіи.* (Зоологія). Ботаника во 2-мъ томѣ и первый томъ переведены Александромъ Кропоткинымъ.

Докладъ комиссіи, избранной Географическимъ Обществомъ, по снаряженію экспедиціи въ сѣверныя моря. Составленъ П. Кропоткинымъ, совмѣстно съ нѣсколькими русскими учеными. Изданъ въ 1871 г. (91 страница, 8°).

Письма П. А. Кропоткина во время геологической поѣздки по Финляндіи и Швеціи. „Извѣстія Русскаго Географическаго Общества". СПБ. 1871 г. 5 частей.

П. А. Кропоткинъ сотрудничалъ въ этихъ „Извѣстіяхъ" въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Katalog der barometrisch bestimmten Hohen in Ostsibirien. По нѣмецки въ Geograph. Mittheilungen. Gotha, 1872 г.

Отчетъ о Олекминско-Витимской экспедиціи. „Записки Русскаго Географ. Общества", томъ III, 1873 г., XXX, 681 стр., карты и т. д.

Общій очеркъ орографіи Восточной Сибири. Въ тѣхъ же „Запискахъ", томъ V, 1875 г., 42 страницы (изданный Алекс. Кропоткинымъ, такъ какъ П. А. сидѣлъ въ крѣпости).

Матеріалы для орографіи Восточной Сибири. Орографическій очеркъ Минусинскаго и Красноярскаго округ. Енисейской губерніи, съ географическими картами. Въ тѣхъ же „Запискахъ", томъ V, 1875 г. (Изданъ Ал. Кропоткинымъ и И. Поляковымъ, редакторомъ „Записокъ").

Изслѣдованіе о ледниковомъ періодѣ. Въ тѣхъ же „Запискахъ", томъ VII, 1876 г. 717 и 70 стр. 8°. (Издан. Ал. Кр. и Поляковымъ).

The Orography of Asia, въ „The Geographical Journal, London, февраль и мартъ 1904 г. Вышло отдѣльнымъ изданіемъ, 61 стр. и карты.

The Desiccation of Eut-Asia. (ib., 1904 г., отдѣльное изданіе въ 20 стр.).

Orographie de la Sibérie. Bruxelles, 1904 г.

Докладъ, въ которомъ П. А. Кропоткинъ резюмировалъ свой трудъ о *Ледниковомъ періодѣ*, прочитанный имъ на собраніи British Association въ Торонто (Канада), въ 1897 г., и напечатанный въ отчетахъ этого собранія.

Онъ сотрудничалъ съ 1876 г., въ продолженіи 24 лѣтъ въ Nature (London) и также въ Geographical Journal (London), давая отчеты о русскихъ изданіяхъ.

On the teaching of Physiography, въ „The Geographical Journal", октябрь, 1893 г. Отдѣльный оттискъ въ 10 стр.

Съ 1880—1881 г. онъ сотрудничалъ въ l'Encyclopædia Britannica, десятое изданіе. Лондонъ. (Имъ составлены русскіе города, начиная съ Костромы; Россія, Сибирь, Польша, Туркестанъ и т. д.). Сотрудничество его для одиннадцатаго изданія (Cambridge 1910—1911) было прервано въ 1905 г.

Имъ же составлена большая часть статей объ Азіи, Франціи, Россіи въ Chambers Encyclopædia.

Онъ сотрудничалъ также въ Геогр. Словарѣ Secbohm'a, ставшимъ потомъ Times Gazetteer.

Л. И—ва.

НѢКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МІРОВОЗЗРѢНІЯ П. А. КРОПОТКИНА.

Въ 1903 году наша женевская группа рѣшила издавать газету. Когда все было выяснено, финансовая и редакціонная сторона дѣла улажена, возникло вдругъ непредвидѣнное затрудненіе: какъ назвать газету? Всѣмъ хотѣлось такого названія для газеты, которое было бы въ то же время нашимъ лозунгомъ, нашей программой. Долго спорили и готовы были уже ухватиться за первое попавшееся названіе, какъ кто-то подсказалъ: «вѣдь, у насъ есть нашъ «Ветхій и Новый Завѣтъ» — такъ, въ шутку, мы называли *Рѣчи Бунтовщика* и *Хлѣбъ и Волю*, — почему не воспользоваться названіемъ одной изъ этихъ книгъ?» «Хлѣбъ и Воля»! — обрадованно воскликнули всѣ разомъ. Вотъ два слова, которыя резюмируютъ всѣ наши положительныя требованія!

Настоящей нашей статьѣ мы тоже хотѣли бы дать названіе, которое напоминало-бы какую-нибудь книгу или брошюру Петра Алексѣевича Кропоткина, или было-бы какой нибудь фразой, взятой изъ его сочиненій; но ничего подходящаго не могли придумать, а подсказать было некому. Самое неопредѣленное заглавіе, отрывочное, неполное изложеніе, вотъ вся наша статья.

I

Буржуазное общество, какъ устанавливаетъ нашъ «Ветхій Завѣтъ», стало невозможнымъ. Буржуазія, какъ классъ, давно сказала свое слово; больше того, что она дала, она дать не можетъ, она выдохлась; жизнь, жизнь внутренняя, которая раньше воодушевляла ее, толкала на великій подвигъ, хотя-бы въ интересахъ своего класса, покинула ее; она рожала героевъ, нынче родитъ пигмеевъ. Живетъ она по силѣ инерціи, по силѣ рутины и еще благодаря тому порабощенію, экономическому и духовному, въ которое она ввергла тѣ классы, надъ которыми она одержала побѣду. Она создала въ дни своего величія, рабовъ пугливыхъ, при помощи грознаго физическаго насилія; при помощи же Церкви, которою она всегда ловко пользовалась противъ народа, она создала рабовъ добровольныхъ, убѣдивъ ихъ въ святости и неизбѣжности тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется весь современный строй — собственность и власть. Она узаконила всякое насиліе, совершаемое въ ея интересахъ, и провозгласила варварствомъ и преступленіемъ всякое возстаніе противъ ея произвола и насилія. Ея дѣятельность не имѣетъ характера былой методичной, послѣдовательной дѣятельности. Она потеряла былую силу творчества, былую устойчивость стремленій и идеаловъ. «Она переходитъ отъ протекціонизма къ свободѣ торговли и отъ свободы торговли къ протекціонизму, отъ реакціи къ либерализму и отъ либерализма къ реакціи, отъ атеизма къ ханжеству и отъ ханжества къ атеизму».*) Но что-бы она ни дѣлала, видно, что она дѣлаетъ это безъ внутренней глубокой вѣры. Она чувствуетъ, что становится лишней, ненужной, что можно обойтись безъ нея; она чувствуетъ, что въ обществѣ пріобрѣтаютъ почву новые идеалы, что появляются новые сознательные факторы общественной жизни, которые предвидятъ будущее и не хотятъ мириться съ настоящимъ; но она все еще живетъ, живетъ механическою, нетворческою жизнью, крѣпко цѣпляясь за тѣ органы порабощенія, которые она создала въ дни своего величія; «но ея дальнѣйшая жизнь исключительно вопросъ времени, и это время можно считать уже не вѣками, а годами. Но если это вопросъ времени, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и вопросъ нашей собственной энергіи. Лѣнтяи не создаютъ исторіи, они пассивно терпятъ ее».**)

Старое должно погибнуть, оно должно быть разрушено, ибо перестало удвлетворять требованіямъ большинства человѣчества. Старое должно быть разрушено во имя новаго, во имя той новой формы общежитія, которая зародилась и развивается уже въ нѣдрахъ современнаго общества. Какова эта новая форма общежитія, не только желательная и нужная, но практически возможная? По мѣрѣ того, говоритъ П. А. Кропоткинъ, какъ человѣческій умъ освобождается отъ понятій, внушенныхъ ему господствующими и эксплуатирующими классами съ ихъ духовенствомъ, судебною властью, войскомъ, продажными учеными, продажной прессой, по мѣрѣ того, какъ онъ сбрасываетъ съ себя путы рабства, наложенныя на него рабскимъ прошлымъ, вырабатывается новое понятіе объ обществѣ, гдѣ ужъ не будетъ эксплуатаціи человѣка ни человѣкомъ, ни государствомъ, однимъ словомъ, вырабатывается «идеалъ такого общества, гдѣ каждымъ управляетъ исключительно его воля (которая есть, несомнѣнно, результатъ испытываемыхъ каждымъ индивидуумомъ общественныхъ вліяній); теперь только этотъ идеалъ является одновременно въ своей экономической, политической и нравственной формѣ, опираясь на необходимость коммунизма, который, въ силу чисто общественнаго характера нашего производства, становится неизбѣжнымъ для современныхъ обществъ.»*)

Если паденіе современнаго строя неизбѣжно, если необходимой экономической формой грядущаго общежитія является коммунизмъ, то каковы, съ одной стороны, тѣ факторы которые содѣйствуютъ этому паденію, а съ другой — та форма политической организаціи, которая соотвѣтствуетъ грядущему коммунизму? Это — создавшіяся и изо дня въ день созидающіяся общественныя силы, *способныя проявлять волю*: появляются цѣлыя группы, цѣлый классъ, который становится носителемъ новаго идеала, идеала свободы и равенства. Это — активный факторъ, та живая сила, которая въ концѣ концовъ должна подрыть тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется старый строй. «Лѣнтяи исторіи не создаютъ», нужна живая, творческая сила для обновленія общества, и на подмогу этой творческой силѣ, творческой опредѣленно дѣйствующей волѣ приходитъ такая же опредѣленная *тенденція*, характеризующая современное общественное развитіе, которая выражается въ стремленіи къ уменьшенію власти, къ увеличенію компетенціи индивидуальнаго творчества, творчества свободныхъ группъ почти во всѣхъ областяхъ культурной жизни человѣчества. Личность начинаетъ *возставать*, она ищетъ для себя новыхъ формъ свободной жизни и дѣятельности и находитъ ихъ въ вольныхъ союзахъ, внѣ государства и, во многихъ случаяхъ, даже противъ государства. Такая же борьба противъ государства ведется цѣлымъ рядомъ свободныхъ учрежденій, ищущихъ возможностей для осуществленія свободно поставленныхъ ими себѣ цѣлей.» «Конечно, въ современномъ обществѣ, основанномъ на частной собственности, т. е. на грабежѣ и на узкомъ, слѣдовательно, на безсмысленномъ индивидуализмѣ, этого рода явленія должны быть очень ограничены.**) Но несмотря на то, что по самому характеру современнаго общества, количество фактовъ, подтверждающихъ вышеприведенное положеніе, должно быть ограничено, П. А. Кропоткинъ приводитъ все-таки такое количество этихъ фактовъ и значеніе ихъ таково, что въ нихъ нельзя не видѣть одной изъ характерныхъ чертъ современнаго общественнаго развитія. П. А. Кропоткинъ отмѣчаетъ еще

---

*) Рѣчи Бунтовщика.

**) «Анархія, ея философія, ея идеалъ.»

*) Тамъ-же.

**) «Хлѣбъ и Воля.»

одну крайне важную черту въ современномъ общественномъ развитіи, а именно, *исключительно* соціальный характеръ производства.

Нынче ужъ невозможно опредѣлить долю каждаго въ производствѣ, всѣ части котораго такъ тѣсно связаны и перепутаны между собою. Было время, когда эту долю можно было опредѣлить, можно было, напримѣръ, опредѣлить и дать расцѣнку труду землевладѣльца, мастера мелкой мастерской, производство которыхъ въ былое время имѣло характеръ самостоятельнаго законченнаго цѣлаго. Мастеръ самъ самостоятельно создавалъ продуктъ, онъ его начиналъ онъ-же и кончалъ. Но при теперешней сложности, переплетенности всѣхъ частей производства, при теперешнемъ преобладающемъ значеніи машиннаго производства, при которомъ всѣ производятъ лишь части цѣлаго, въ которомъ вложены усилія всѣхъ, выдѣлить трудъ каждаго, какъ самостоятельную цѣнность, и особо оцѣнить его, становится невозможнымъ. Производство *интегрируется*,*) *и этому интегрирующемуся производству можетъ соотвѣтствовать лишь коммунизмъ*. Все производится совмѣстными усиліями всѣхъ производителей, *все принадлежитъ всѣмъ*. Коммунизмъ наисовершеннѣйшая форма равенства. Коммунизмъ, если онъ дѣйствительно цѣльный, а не искаженный посторонними, для него не характерными примѣсями, не можетъ ни въ коемъ случаѣ примириться съ государственной организаціей; коммунизмъ, какъ мы сказали. есть осуществленіе полнаго равенства, государственная же организація немыслима безъ принципа власти, безъ подчиненныхъ, безъ управляющихъ и управляемыхъ; стало быть, привнесеніе государственническаго принципа въ коммунистическое общество равносильно коренному разрушенію принципа равенства.

Мы видѣли выше, что уже въ современномъ обществѣ зарождается сильное теченіе противъ государства, что личности, группы, классы и цѣлый рядъ общественныхъ учрежденій, возникшихъ по частной инціативѣ, враждебны государству и стремятся устроить свою жизнь помимо государства и, во многихъ случаяхъ, противъ государства. Значитъ, кромѣ извѣстныхъ *тенденцій*, характеризующихъ современное общественное развитіе, есть еще и *должна быть ясно выраженная воля, смѣлость не хотѣть и не терпѣть отжившихъ формъ, которыя стали тормазомъ для культуры, для личнаго творчества, для общаго блага, и общей свободы.*

«Или государство должно быть разрушено, и въ такомъ случаѣ новая жизнь возникнетъ въ тысячѣ центровъ, на почвѣ энергической личной и групповой инціативы, на почвѣ вольнаго соглашенія. Или же государство раздавитъ личность и мѣстную жизнь: завладѣетъ всѣми областями человѣческой дѣятельности, принесетъ съ собою войны и внутреннюю борьбу изъ за обладанія властью, поверхностныя революціи, лишь смѣняющія тирановъ и, какъ неизбѣжный конецъ, — смерть». **)

Мы же боремся не для убіенія жизни, а ради ея торжества; интересы же всесторонне, гармонически *въ равенствѣ* развивающейся жизни не согласуемы съ государствомъ. Поэтому не естественно-ли, не *обязательно*-ли и не *необходимо*-ли предположить, что общество, освободившееся отъ путъ рабства, обобществившее производство и всѣ богатства, накопленныя трудами человѣчества, «должно будетъ искать новой политической организаціи, сотвѣтствующей новой хозяйственной жизни — организаціи, основанной на свободномъ союзѣ и вольной федераціи.

«Каждому экономическому фазису соотвѣтствуетъ въ исторіи свой политическій фазисъ; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго строя политической жизни.***)

Что это значитъ? Имѣетъ-ли это положеніе тотъ смыслъ. что между экономической и политической формами жизни существуетъ безусловный параллелизмъ? Или это все тотъ-же основной принципъ экономическаго матеріализма: экономика-фундаментъ, опредѣляющая политику-надстройку? Конечно, ни то, ни другое. Фактъ соотношенія между экономической или политической формами можно исторически доказать; можно доказать, напримѣръ, что рабству, феодализму и, наконецъ, капитализму соотвѣтствовали и соотвѣтствуютъ опредѣленныя политическія формы. Стало быть, тутъ мы имѣемъ дѣло съ историческими фактами, и положеніе П. А. Кропоткина есть обобщеніе *этихъ фактовъ*; дальше этого онъ не идетъ. Подтасовка историческихъ фактовъ начинается съ того момента, когда лже-ученые начинаютъ утверждать, что фундаментъ-экономика есть первичный единый факторъ, опредѣляющій политику-надстройку, *не только по формѣ и общему характру, но и во времени.* Этого параллелизма *и во времени* и существованіе единаго первичнаго фактора доказать нельзя. Одна форма не порождаетъ другую въ точно указанный, опредѣленный срокъ. Выше установленный параллелизмъ не является абсолютнымъ, такъ какъ параллели эти (тутъ рѣчь идетъ, конечно, не о геометрическихъ параллеляхъ) не являются силами, дѣйствующими обособленно, вдали отъ всякихъ условій, вдали отъ вліянія силъ, отличныхъ отъ нихъ, но дѣйствующихъ въ одной общей средѣ съ ними. Законъ воздѣйствія и противодѣйствія многихъ причинъ сохраняетъ всю свою силу, конечно, и тутъ. Разъ мы признаемъ дѣйствіе силъ, отличныхъ отъ параллелей и дѣйствующихъ въ одной общей средѣ съ ними, то мы должны признать, что эти силы могутъ воздѣйствовать на самую систему воздѣйствующихъ и противодѣйствующихъ силъ. Стало быть, двѣ параллельно развивающіяся силы будутъ видоизмѣнять, какъ свое направленіе, такъ и темпъ своего развитія, подъ вліяніемъ воздѣйствія и противодѣйствіи силъ другого характера. Исторія показываетъ, что это дѣйствительно такъ и бываетъ: въ процессѣ развитія то политическая форма общежитія отстаетъ отъ экономическихъ отношеній (Германія, Россія), то экономическія отношенія отстаютъ отъ сложившихся политическихъ формъ общежитія (южно-американскія республики, Либерія, Гаити и проч.). Слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о безусловномъ совпаденіи во времени, въ опредѣленный срокъ экономическихъ и политическихъ формъ общежитія; что съ увѣренностью можно сказать, это, то, что всякому опредѣленному экономическому фазису *должна* соотвѣтствовать опредѣленная политическая форма; и, на самомъ дѣлѣ, исторически, рано или поздно, это совпаденіе осуществится, и опредѣленная экономическая форма общежитія должна дополниться опредѣленной политической формой и, такимъ образомъ, должно образоваться одно исторически доконченное цѣлое. Такъ, коммунизмъ, въ конечномъ счетѣ, обязательно долженъ облечься въ анархическую форму, иначе онъ никогда не достигнетъ той полноты и широты, которая требуется для созданія среды, годной для всесторонняго и гармоническаго развитія человѣческой личности.

* * *

Каковъ въ самыхъ общихъ чертахъ характеръ тактическихъ пріемовъ борьбы, рекомендуемыхъ П. А. Кропоткинымъ противъ существующаго строя? Это — намъ всѣмъ хорошо извѣстная *тактика непосредственной борьбы*. «Станемъ организованной силой, способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягать на наши права; *будемъ сильны...*»*)

Когда масса проникнется сознаніемъ своей силы, когда она будетъ объединена однимъ общимъ желаніемъ, однимъ общимъ стремленіемъ, когда она не захочетъ нести болѣе ярмо гнета, она тогда будетъ способна и пріобрѣтать и защищать свои права, тогда никто не дерзнетъ оспаривать у нея ея правъ. Когда масса привыкнетъ грозно заявлять свою волю,

---

*) «Les T. mps Nouveaux» (брошюра).

**) «Государство, его роль въ исторіи».

***) «Хлѣбъ и Воля».

*) «Рѣчи бунтовщика».

когда за этой волей будетъ стоять грозная сила «тогда и только тогда мы *завоюемъ* эти права, которыя мы тщетно *просили* бы десятки лѣтъ у какого бы то ни было конституціоннаго правительства, тогда они будутъ принадлежать намъ вѣрнѣе, чѣмъ если бы ихъ гарантировали писанные законы».

«Правъ не даютъ, они берутся».*)

II.

Какъ извѣстно, П. А. Кропоткинъ не принадлежитъ ни къ числу мыслителей, любящихъ думать антитезами, ни къ числу эклектиковъ. Онъ не любитъ также нагромождать кучу вопросовъ и затѣмъ оставлять ихъ на произволъ судьбы или на усмотрѣніе людей доброй воли; къ людямъ доброй воли онъ, конечно, обращается, ибо вопросы, которые ставитъ передъ нами все болѣе и болѣе усложняющаяся жизнь, не могутъ быть рѣшены однимъ человѣкомъ, «однимъ умомъ», какъ бы великъ онъ ни былъ, но свою лепту онъ вноситъ въ рѣшеніе каждаго вопроса; онъ не можетъ примириться, чтобы въ его міровоззрѣніи были «пустыя мѣста», онъ очень высоко ставитъ единство и цѣльность міровоззрѣнія. Между тѣмъ, есть критики, которые указываютъ на противорѣчія, якобы присущія его міровоззрѣнію. Посмотримъ, можетъ быть, тамъ, гдѣ поверхностный умъ видитъ дуализмъ и противорѣчіе, на самомъ дѣлѣ кроется широкое обобщеніе, которое устраняетъ всякій дуализмъ, всякое противорѣчіе.

Мы, конечно, не думаемъ — къ тому же въ газетной статьѣ это совершенно невозможно — разсмотрѣть все научное и философское міровоззрѣніе П. А. Кропоткина, мы хотимъ лишь слегка коснуться нѣкоторыхъ его философскихъ и историко-философскикъ взглядовъ.

Прежде всего, какъ онъ опредѣляетъ философію?

«...Мы не знаемъ и не видимъ возможности открытія какой-нибудь такой области, гдѣ бы тѣ простыя явленія, которыя мы наблюдаемъ при паденіи камня, при ударѣ двухъ балліардныхъ шаровъ, или при химическомъ измѣненіи — явленія механическія — оказались бы недоступными для объясненія»...

«Естественно, что какъ только наука могла дойти до такихъ обобщеній, въ ней должна была зародиться мысль о *синтетической философіи*; то есть о такой философіи, которая, не разсуждая болѣе о «сущностяхъ», о «міровой идеѣ», о «назначеніи жизни» и тому подобныхъ символахъ, и отказавшись отъ очеловѣченія природы (антропоморфизаціи), представляла бы собою *сводъ и объединеніе всѣхъ нашихъ знаній* философіи, однимъ словомъ, которая, восходя отъ простого къ сложному, *давала бы ключъ къ пониманію всей исторіи, во всей ея жизни*, и тѣмъ самымъ дала бы орудіе и вѣрное средство изслѣдованія того, чего мы еще не знаемъ, и для открытія *соотношеній* (такъ-называемыхъ законовъ), нами еще не открытыхъ, — а также увѣренность въ справедливости нашихъ заключеній, какъ бы они ни расходились съ ходячими предразсудками». **)

Само собою ясно, что разъ философія опредѣляется, какъ сводъ и объединеніе всѣхъ нашихъ *знаній*, разъ она включается въ опредѣленныя рамки и строго ограничивается, то *такое* опредѣленіе, *такое* пониманіе задачъ философіи должно отразиться на постановкѣ всѣхъ философскихъ проблемъ. Ярче и рѣзче всего оно отражается на постановкѣ проблемы духа. Въ этой области, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ областяхъ, главнѣйшей заботой П. А. Кропонкина было ввести, включить всѣ явленія, въ томъ числѣ и сознаніе, въ такія рамки, которыя позволяли бы изучать всѣ явленія однимъ общимъ методомъ, чтобы, иначе говоря, не приходилось мѣнять метода, когда отъ міра физическаго переходишь къ міру психическому. Выше приведенная цитата ясно указываетъ на это.

Кажется, внѣ сомнѣнія тотъ фактъ, что жизнь вселенной характеризуется постоянными видоизмѣненіями при сохраненіи полной преемственности между видоизмѣняющимися явленіями; такъ что предыдущее состояніе, не будучи тождественнымъ съ послѣдующимъ, однако-жъ, предшествуетъ и подготовляетъ его. Явленія вселенной обусловлены, или еще яснѣе, обусловливаютъ другъ-друга. Никакая метафизика, за исключеніемъ грубо религіозныхъ, не отрицаетъ въ настоящее время этого детерминизма, пока, конечно, рѣчь не идетъ о «духѣ»; но какъ только рѣчь идетъ о человѣческомъ духѣ, детерминизмъ, которому подчиняются всѣ явленія природы, сразу теряетъ всю свою силу, духъ выдѣляется, изымается изъ пророды, къ нему общіе законы становятся непримѣнимыми, для него создается особое привилегированное положеніе. Начинается дѣленіе міра на двѣ рѣзко обособленныя части: міръ вульгарный, мертвой природы — матеріи, и міръ духовный, возвышенный, привилегированный. И вотъ тутъ-то и кроется величайшая заслуга матеріализма, который смѣло возсталъ противъ этой привилегіи, *втиснулъ*, можетъ быть, немного грубо, человѣческій духъ *въ природу* и подчинилъ его общимъ законамъ. Кромѣ того, онъ, именно онъ, оказалъ человѣческому духу неимовѣрную услугу, давъ ему увѣренность въ себѣ самомъ, ввелъ въ науку духъ критики, вызвалъ расцвѣтъ опытныхъ наукъ, освободилъ ихъ отъ гнета сверхъестественнаго. Подлинная заслуга матеріализма заключается въ этомъ, а не въ его наивномъ реализмѣ, который не устоялъ противъ той самой науки, расцвѣту которой онъ такъ сильно содѣйствовалъ. Самъ онъ былъ принужденъ эволюціонировать и принять формы, лучше соотвѣтствующія требованіямъ времени и состоянію опыта.

«Человѣкъ представляетъ собою теперь для психолога множество отдѣльныхъ способностей, множество независимыхъ стремленій, равныхъ между собою, функціонирующихъ независимо другъ отъ друга, постоянно *уравновѣшивающихъ* другъ друга, *постоянно находящихся въ противорѣчіи* между собою. Взятый въ цѣломъ, человѣкъ представляется современному психологу, какъ *вѣчно измѣняющаяся равнодѣйствующая всѣхъ этихъ разнообразныхъ способностей*, этихъ независимыхъ стремленій мозговыхъ клѣтокъ и нервныхъ центровъ. Всѣ *онѣ связаны между собою и вліяютъ другъ на друга*, но каждый и каждая живетъ своею независимою жизнью, не подчиняясь никакому центральному органу, никакой душѣ». *)

Сознаніе *едино*, но оно никогда не тождественно себѣ самому, какъ и всякое живое существо; впрочемъ, оно видоизмѣняется постоянно; характеръ единства сообщается ему постояннымъ взаимодѣйствіемъ, постояннымъ уравновѣшиваніемъ «множества отдѣльныхъ способностей». П. А. Кропоткинъ, не раздѣляя міра психическихъ явленій отъ міра физическаго, естественно долженъ искать единство въ ихъ воздѣйствіи и противодѣйствіи. Во всѣхъ вопросахъ міровоззрѣнія онъ избѣгаетъ односторонности; мы нигдѣ не встрѣчаемъ у него попытки свести все къ одному единому фактору. Наоборотъ, онъ стремится объяснять явленія, *всѣ явленія*, *всей суммой* воздѣйствія и противодѣйствія различныхъ причинъ. Слѣдовательно, понять и представить въ синтетико-научной формѣ всѣ явленія природы, въ томъ числѣ и сознаніе, является характерной чертой мышленія П. А. Кропоткина.

* * *

Мы, конечно, знаемъ, что, какъ психо-физическій параллелизмъ, такъ и всѣ теоріи близкія къ нему, подвергаются критикѣ. Это вполнѣ естественно: психологія лишь теперь складывается въ науку, ея построеніе далеко не закончено; быстрая смѣна теорій въ области научной психологіи является показателемъ того, что происходитъ глубокая работа, строится основаніе новой науки. Намъ важно знать въ какомъ направленіи критика ведетъ свою работу. Дѣлаетъли она tabula rasa изъ всего того, что застала, и стремится построить все заново, или же работа ея сводится лишь къ тому, чтобы привести въ порядокъ все унаслѣдованное ею.

Отмѣтимъ прежде всего, что методъ изслѣдованія не измѣненъ; происходитъ лишь чистка стараго

---

*) Тамъ же.

**) «Современная наука и анархизмъ». Кромѣ словъ «синтетической философіи» все остальное подчеркнуто мною. К. О.

*) «Анархія, ея философія, ея идеалъ». Курсивъ нашъ, К. О.

матеріала и нахожденіе новаго, результатомъ чего явилось окончательное устраненіе того дуализма, который старый метафизическій раціонализмъ старался установить между духомъ и природой. Духъ окончательно включенъ въ природу, онъ сдѣлался достояніемъ опытнаго метода, какъ всѣ прочія явленія природы. Если матеріализмъ, въ лицѣ Фохта, облекъ свою гносеологію въ извѣстную грубую формулу: «человѣкъ мыслитъ точно такъ, какъ печень выдѣляетъ желчь», нужно признать, что эта грубость была необходима. Можно утверждать, — рискъ тутъ небольшой — что Фохтъ прекрасно понималъ, что выдѣленіе желчи и мышленіе не одно и то же, но чисто «педагогическія» соображенія заставили его облечь свою мысль въ грубую формулу. Нужно было развѣнчать возгордившійся «духъ», нужно было принудить его отказаться отъ своего привилегированнаго положенія и занять скромное мѣсто въ ряду другихъ явленій природы.

Далѣе, современная научная психологія отвергаетъ психологическій атомизмъ, также какъ ассоціаціонистскій эмпиризмъ и стремится строго установить преемственность сознанія. Слѣдствіе слѣдуетъ за причиной не какъ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, а какъ явленіе, которое превращается въ слѣдующее явленіе, и такъ безпрерывно. **) Она строится при помощи опытнаго метода — естественно-научнаго. Это вполнѣ понятно; можно-ли отказаться въ области психологіи отъ того метода, который далъ столь блестящіе результаты во всѣхъ другихъ областяхъ? Если что нибудь добыто въ смыслѣ *знанія*, добыто этимъ методомъ, ему же должно принадлежать рѣшающее слово и въ области изученія взаимоотношеній психическихъ и физическихъ процессовъ.

Наконецъ, что мы *знаемъ* о механизмѣ мышленія? Лишь то, что біологическіе и психологическіе процессы связаны цѣлой системой взаимоотношеній. Изученіе механизма мышленія превращается *въ его естественную исторію*. Все стало быть, и механизмъ мышленія долженъ изучаться въ одной плоскости со всѣми другими явленіями природы, могущими другъ друга взаимно обусловливать. *) Такимъ образомъ мы приходимъ къ изученію опыта, къ его чисткѣ, къ его критикѣ. Вотъ, что пока отвоевано у метафизики, и это не мало. Въ эту работу П. А. Кропоткинъ внесъ свою лепту.

«Какимъ образомъ благородный потомокъ Рюрика и Ростислава Мстиславовича Смѣлаго, великаго князя Кіевскаго, знатный баринъ, носящій гербъ княжества Смоленскаго съ шапкой Мономаха на горностаевомъ полѣ, сынъ князя Алексѣя Кропоткина, полковника и коменданта, владѣльца въ трехъ губерніяхъ тысячи двухъ сотъ душъ — не считая женщинъ — и обширныхъ пространствъ земли, хозяина пятидетяти слугъ въ городѣ и двадцати пяти въ деревнѣ; мальчикъ, котораго императоръ Николай I однажды поднялъ на руки и показалъ цесаревнѣ Маріи Александровнѣ, чтобы она подарила ему такого же красиваго и славнаго внука; подростокъ, воспитывавшійся въ знатномъ Пажескомъ Корпусѣ, при дворѣ, почти на глазахъ императорской фамиліи; юноша, который защитилъ бы императора собственнымъ тѣломъ, если-бъ видѣлъ, что ему грозитъ рука цареубійцы, и который бросился за нимъ, вопреки требованіямъ этикета, когда считалъ его въ опасности, за что получилъ неожиданную похвалу: «Ты здѣсь? Молодецъ...», какимъ образомъ усердный почитатель поэтовъ, самъ авторъ нѣсколькихъ повѣстей, любитель театральнаго искусства, настолько возгордившійся послѣ первыхъ аплодисментовъ, что нѣкоторое время мечталъ поступить на сцену; какимъ образомъ, путешественникъ, занятый географическими, этнографическими и этнологическими задачами, изслѣдователь Манчжуріи, членъ и секретарь Петербургскаго географическаго общества — сдѣлался впослѣдствіи анархистомъ Бородинымъ, котораго полиція заточаетъ въ Петропавловскую крѣпость, Левашевымъ, который высаживается въ Лондонѣ, чудеснымъ образомъ бѣжавъ изъ военнаго госпиталя, отъ штыковъ часовыхъ, агитаторомъ, котораго сажаютъ въ тюрьму во Франціи, странѣ самой широкой свободы, писателемъ, который называетъ оскорбительнымъ словомъ *аристократишки* людей, среди которыхъ родился и выросъ, и *берлогой* — дворецъ царя, которому служилъ и котораго любилъ; авторомъ, наконецъ, *Рѣчей революціонера* и *Завоеванія хлѣба*!» *)

* * *

Да, какимъ образомъ П. А. Кропоткинъ совершилъ такой крупный поворотъ, какія мотивы, переживанія толкнули его на это? Развѣ это не сложная психологическая проблема? Не врожденныя же были тѣ свойства, которыя оказались у него впослѣдствіи. *Записки революціонера* отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Изъ этои книги мы узнаемъ, что душевный переворотъ готовился въ П. А. Кропоткинѣ мало по малу. Равновѣсіе нарушилось между нимъ и окружающею средою, эра страданія, исканія начались, выходъ въ ту или иную сторону долженъ былъ найтись. Все, что онъ видитъ вокругъ себя, не только неспособно возстановить нарушенное равновѣсіе и устранить переживаемые имъ душевные конфликты, но, наоборотъ усугубляетъ и обостряетъ ихъ. Полнѣйшее безсиліе сдѣлать что-нибудь такое, что могло бы удовлетворить его порывы, его стремленія, еще болѣе обостряетъ его желаніе найти выходъ. Среда, въ которой онъ живетъ, противустоитъ всѣмъ его порывамъ и мѣшаетъ ему жить и дѣйствовать «по своей мечтѣ». Чѣмъ ближе онъ подходитъ къ жизни, тѣмъ яснѣе видитъ передъ собою громадное дѣло, но способы, которые рекомендуются для его выполненія, безнадежно плохи, безсильны и безсмысленны; ни люди ни правительство, которыхъ онъ видитъ на дѣлѣ, не внушаютъ ему довѣрія; не то дѣлается, не то чувствуется, что нужно дѣлать и чувствовать. Что дѣлать, гдѣ и въ чемъ искать выходъ? При такихъ условіяхъ въ жизни человѣка наступаетъ такой моментъ острыхъ болѣзненныхъ ощущеній, что онъ долго въ нерѣшительности остаться не можетъ: гармонія нарушена, ее нужно возстановить. Способность къ дѣйствію въ такихъ случаяхъ, благодаря множеству и разнообразію воспринятыхъ ощущеній, увеличивается, вся нервная система находится въ до крайности напряженномъ состояніи, силы накоплены, сознаніе, какъ бы сказать, заряжено. Всѣ эти сгустившіяся внутреннія силы должны непремѣнно выявиться, для этого достаточенъ малѣйшій поводъ. Въ такомъ душевномъ состояніи П. А. Кропоткинъ, въ финляндскихъ глетчерахъ, встрѣчается лицомъ къ лицу съ безцвѣтной, полуголодной жизнью крестьянина; вся она предстала передъ нимъ со всей своей силой, со всей ясностью; и та картина жизни и труда народа, которую онъ видѣлъ тогда передъ собой, дала послѣдній толчекъ его мысли, его чувствамъ... Эволюція мало по малу дозрѣла, взрывъ не замедлитъ воспослѣдствовать. Естественнымъ процессомъ проблема *поставилась*, *обострилась*, она должна была быть или разрѣшена или устранена. Психологическую проблему о воздѣйствіи и противодѣйствіи системъ біологическихъ и психичеекихъ процессовъ П. А. Кропоткинъ иллюстрируетъ своею собственною духовною эволюціею. Доктрина и человѣкъ, тутъ, какъ вездѣ, составляютъ одно цѣлое.

* * *

Такою-же цѣльностью, такимъ-же синтетическимъ характеромъ отличаются взгляды П. А. Кропоткина на исторію, вообще, и на взаимоотношенія личности, группъ и массъ въ народныхъ движеніяхъ въ частности. Если мыслитель для объясненія историческаго вообще, и тѣхъ или иныхъ историческихъ событій въ частности, старается выяснить значеніе всѣхъ фактовъ, учесть значеніе всѣхъ условій, всѣхъ причинъ, это не значитъ «замазывать» противорѣчія. Наоборотъ, стремленіе къ опредѣленію *всѣхъ* условій, вызывающихъ данное явленіе и дающихъ ему то или иное направленіе, тотъ или иной характеръ и является залогомъ того, что противорѣчія въ толкованіи исторіи будутъ доведены до возможнаго минимума.

---

*) Ray. «La Philosophie moderne».

**) Тамъ же.

*) Де-Роберти. *Петръ Кропоткинъ (личность и доктрина)*.

«Я думаю, говоритъ Ковалевскій, что выражу не только кратко, но весьма опредѣленно мою завѣтную точку зрѣнія, сказавши, что соціологія значительно выиграетъ отъ того, если забота объ отысканіи фактора, да и вдобавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, постепенно исключена будетъ изъ сферъ ея ближайшихъ задачъ, если въ полномъ соотвѣтствіи съ сложностью общественныхъ явленій, она ограничится указаніемъ на одновременное и параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ». *)

Мы думаемъ, что выразимъ завѣтную точку зрѣнія П. А. Кропоткина, сказавши, что онъ всегда былъ противникомъ введенія, какъ въ соціологію, такъ и въ исторію такихъ однобокихъ концепцій, каковыми являются понятія первичныхъ и главнѣйшихъ факторовъ.

Намъ вспоминается рѣчь, сказанная П. А. Кропоткинымъ въ 1907 году въ Парижѣ. Его спросили, какъ онъ относится къ вопросу о монистическомъ пониманіи исторіи. Онъ въ своемъ отвѣтѣ, между прочимъ, привелъ слѣдующій примѣръ. Допустимъ, сказалъ онъ, что я изучаю жизнь растенія, которое имѣетъ въ своемъ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ влагу, питательныя вещества, просторъ, однимъ словомъ все за исключеніемъ лучей солнца. Я констатирую, что жизнь растенія течетъ ненормально, оно растетъ съ трудомъ, блекнетъ и, наконецъ, умираетъ. Свѣтъ, значитъ, для него необходимъ. Но что сказали-бы ботаники, если бы я отсюда вывелъ то заключеніе, что свѣтъ является первичнымъ и единымъ факторомъ въ жизни растенія? Они сказали-бы, и не безъ основанія, «заврался старикъ». То же самое продолжалъ онъ, сказали-бы они, если-бы я взялъ какой-нибудь другой элементъ, такъ же необходимый какъ и свѣтъ, и сталъ-бы утверждать, что онъ есть единый творецъ жизни растенія. Никакія явленія, тѣмъ паче такое сложное явленіе, какъ историческая жизнь народовъ, нельзя изучать однобоко; нужно наоборотъ, взять всѣ условія, всѣ причины, безъ какого-бы то ни было дѣленія на первичныя и главнѣйшія, всѣ вліянія, какими-бы незначительными они не казались, если мы желаемъ, что бы явленіе было изучено всесторонне, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, во всей своей сложности.

Эти слова намъ врѣзались въ память, намъ и раньше было извѣстно, что П. А. Кропоткинъ является сторонникомъ синтетическаго пониманія исторіи согласно со всѣмъ характеромъ его философскихъ взглядовъ; но этотъ примѣръ, по удивительной простотѣ и ясности своей, сдѣлался для насъ ключемъ къ пониманію его философіи исторіи. Намъ, однакожъ, приходилось слышать, что П. А. Кропоткинъ, въ свою очередь, то же пытается, молъ, установить іерархію фактовъ, сведя въ своей книгѣ *Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи* трагизмъ исторіи къ тремъ факторамъ: *борьбѣ, взаимопомощи* и *самоутвержденію личности.* **) Одинъ изъ этихъ трехъ факторовъ онъ изслѣдовалъ въ книгѣ *Взаимопомощь*, стоившей ему семи лѣтъ упорнаго труда. Но, вѣдь, каждый изъ этихъ факторовъ, до такой степени сложенъ, содержаніе ихъ настолько разнообразно, что и тутъ приходится остаться вѣрнымъ все той-же синтетической концепціи. Сама взаимопомощь среди животныхъ и людей настолько разнообразна по формѣ и содержанію, что ея однобокое освѣщеніе не могло бы создать того блестящаго труда, какимъ является «Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи».

* * *

Взаимная связь историческихъ событій, все ихъ глубокое и разнообразное содержаніе не могутъ быть объяснены единой причиной, единымъ факторомъ, хотя-бы главнѣйшимъ, если, конечно, этому единому творцу не приписать божеской силы, какъ это дѣлаетъ религія. Историческій процессъ не представляетъ собою нѣчто однородное, что можно было-бы объяснить такой-же однородной причиной. При объясненіи историческаго процесса мало даже такого широкаго мѣрила, какъ воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ, ибо и послѣ выясненія *многихъ* воздѣйствующихъ и противодѣйствующихъ причинъ, всегда останется цѣлый рядъ другихъ причинъ, которыя впослѣдствіи должны быть выяснены и изучены для болѣе яснаго и полнаго пониманія исторіи. *Научное* изученіе исторіи трудно потому, что ее въ лабораторномъ опытѣ не уловишь, не вмѣстишь въ реторту, она слишкомъ для этого сложна, нити, связывающія даже событія, которыя мы называемъ крупными, слишкомъ тонки. Историческій процессъ образуется изъ переплетенія безконечно малыхъ разнородныхъ элементовъ, складывающихся на тысячи ладовъ и, въ конечномъ счетѣ, дающихъ равновѣсіе или неравновѣсіе громадныхъ силъ, образующихъ исторію; тутъ, какъ мы видимъ, рѣчь идетъ не о воздѣйствіи и противодѣйствіи простыхъ силъ, а сложныхъ системъ силъ. Всякое продолжительно вліяющее условіе, всякое учрежденіе, по тѣмъ или инымъ причинамъ пріобрѣвшее значеніе въ исторіи, всякая энергія, независимо отъ формы, всякое преломленіе общественной энергіи, независимо отъ размѣровъ, имѣетъ свою собственную цѣнность, свое особое самостоятельное назначеніе.

Исторія должна повѣствовать и описывать; чѣмъ полнѣе повѣствованіе, чѣмъ полнѣе и подробнѣе освѣщены факты, тѣмъ легче дѣлается задача ихъ толкованія, обобщенія и приведенія въ связь этихъ толкованій, а также выясненія общаго значенія фактовъ; въ этомъ и только въ этомъ и заключается задача исторіи. Слѣдовательно, въ исторіи нѣтъ мелочей, которыя можно было бы оставить безъ вниманія, нѣтъ іерархіи фактовъ, а потому философія исторіи не хочетъ согласиться съ этимъ дѣленіемъ фактовъ на первичныхъ и главнѣйшихъ. Самый главнѣйшій изъ главнѣйшихъ факторовъ есть *сумма* дѣйствія безконечно малыхъ, складывающихся съ такими же безконечно малыми другого порядка и, въ концѣ концовъ, создающихъ ту причину, которая выдается за первичную и главнѣйшую и которая, на самомъ дѣлѣ, не есть ни первичная, ни главнѣйшая, а нѣчто производное.

То же самое можно сказать о роли личности въ исторіи, которая также рекомендуется за главнѣйшій и первичный историческій факторъ. Личность тоже есть сумма, въ только что указанномъ нами смыслѣ. Вѣра и убѣжденіе, идеалы и стремленія, страданіе и радость, борьба и миръ, побѣда и пораженіе, жизнь и трудъ личности — суть тѣ же безконечно малыя, которыя создаютъ ее — носителя жизнью опредѣленной воли. Личность тоже есть объективное данное, она вклеена въ объективный процессъ, но характерная черта ея дѣятельности заключается въ томъ, что она выявляетъ ходъ объективнаго процесса. Нуженъ же какой нибудь сосудъ, который воспринималъ-бы, всасывалъ и перерабатывалъ измѣненія, происходящія въ окружающей средѣ. Личность есть та часть объективнаго процесса, которая, выявляя этотъ процессъ, дѣлаетъ возможнымъ воздѣйствіе на него. Слѣдовательно, личность есть одна изъ безконечныхъ причинъ, создающихъ исторію. Она — живая энергія, подстрекатель, зачинщикъ болѣе широкой дѣятельности группъ и массъ. Великое широкое движеніе, всякая революція — не исключая и такъ называемыхъ стихійныхъ, которыя являются взрывами долго сдерживаемой энергіи, — начинается съ низовъ, съ личностей, первыхъ носителей духа возмущенія (l'esprit de révolte); если духъ возмущенія все растетъ и развивается, онъ выливается въ возстаніе, бунтъ (la révolte), который, въ свою очередь, если условія благопріятны, расширяются, углубляются и превращаются въ революцію — въ дѣйствіе массъ. Эта серія: духъ возмущенія, возстаніе, революція выдумана не нами, а принадлежитъ П. А. Кропоткину. Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣятельность личности (носителя духа возмуще-

*) Максимъ Ковалевскій. «Современные социологи», стр. XIV.

**) «Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи». Предисловіе.

нія, зачинщика и подстрекателя къ болѣе широкой дѣятельности), группъ, могущихъ сыграть роль инииціативнаго революціоннаго меньшинства, и массы, творца революціи, строго связаны между собою, и намъ трудно понять, какое противорѣчіе могъ усмотрѣть тутъ, историкъ Карѣевъ, посвятившій въ *Русскомъ Богатствѣ* подробную статью книгѣ П. А. Кропоткина: *Великая Революція*.

* * *

Опредѣленная идеологія, опредѣленныя стремленія не могутъ сразу, внезапно охватить массы; они зрѣютъ сначала въ отдѣльныхъ головахъ, крупныхъ и малыхъ и, наконецъ, даютъ въ своемъ синтезѣ духовное состояніе, вѣрованія и стремленія массъ, подъемъ духа, работу мысли; и, такимъ образомъ, подготовляютъ почву для героической и творческой дѣятельности, какъ личности, такъ и массъ. Изъ исторіи нельзя устранить элемента воли, она проявляется и должна проявляться, когда дѣятельность исторіи принимаетъ характеръ цѣлестремительности. Жизнь, конечно, должна предварительно опредѣлить волю личности, группъ и массы. Когда воля ихъ опредѣлена, тѣмъ самымъ опредѣлено и ихъ направленіе, энергія мало по малу накопляется и накопленная энергія рано или поздно должна выявиться.

Жизнь и дѣятельность такихъ людей, какъ П. А. Кропоткинъ, и служатъ тому, чтобы подготовить эти живые творческіе элементы, которые и дѣлаются творцами будущаго.

К. Оргеіани.

ПРИМѢНЕНІЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАГО МЕТОДА КЪ СОЦІОЛОГІИ ВЪ МІРОСОЗЕРЦАНІИ П. А. КРОПОТКИНА.

Во всѣхъ странахъ, на всѣхъ языкахъ, каждая группа, каждая газета на свой ладъ — повсюду товарищи чествуютъ 9-го декабря 70-лѣтіе нашего общаго друга и учителя, Петра Алексѣевича Кропоткина. Мы, «анархисты русскаго нарѣчія» — какъ выражались когда-то — можемъ и должны тоже сказать свое слово, и какъ члены великой интернаціональной семьи, и какъ дѣти той страны, которая дала намъ П. К. Кропоткина, была первымъ поприщемъ его общественной дѣятельности и — будемъ надѣяться — будетъ еще поприщемъ его дѣятельности въ будущемъ.

Для чествованія 9-го декабря издательская группа «Рабочаго Міра» обратилась къ сотрудничеству товарищей, принадлежащихъ къ разнымъ оттѣнкамъ анархической мысли и къ разнымъ группамъ русскаго анархическаго движенія. Всѣ они нашли возможнымъ сойтись на этомъ номерѣ, посвященномъ исключительно личности и идеямъ того, кому мы всѣ обязаны своимъ анархическимъ міросозерцаніемъ. И для тѣхъ, кто въ вопросахъ, еще недавно раздѣлявшихъ между собою различныя направленія, всего ближе стоялъ ко взглядамъ П. А. Кропоткина, особенно цѣнно и знаменательно это объединеніе вокругъ его имени.

* * *

Повсюду въ эту минуту мысль товарищей работаетъ надъ изложеніемъ, выясненіемъ, разборомъ разныхъ сторонъ того богатаго вклада, которымъ обязана и общественная, и научная мысль необыкновенно разносторонней и плодотворной дѣятельности П. А. Кропоткина. Посреди этихъ обширныхъ горизонтовъ мысли, каждому изъ насъ приходится поневолѣ выбирать какой-нибудь уголокъ и дѣлиться съ товарищами своими соображеніями лишь въ этой ограниченной области.

Въ этой статьѣ мы хотѣли бы остановиться на одномъ вопросѣ, имѣющемъ, по нашему мнѣнію, самое серьезное значеніе для всякаго, кто чувствуетъ потребность въ цѣльномъ міросозерцаніи, охватывающемъ всѣ области теоріи и практики: на примѣненіи метода, выработаннаго положительною наукою, къ спорнымъ и шаткимъ положеніямъ соціологіи — въ томъ видѣ, какъ это примѣненіе намѣчается въ произведеніяхъ П. А. Кропоткина. Само собою разумѣется, что ни о какомъ сколько-нибудь пространномъ изложеніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи; да оно и не нужно: всѣ товарищи сами черпали изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ въ настоящую минуту черпаемъ мы. Все, что мы имѣемъ въ виду, это обратить ихъ вниманіе на нѣкоторыя. опредѣленныя стороны системы соціологическихъ взглядовъ П. А. Кропоткина.

П. А. Кропоткинъ самъ опредѣляетъ свое міросозерцаніе какъ построенное на естествознаніи, на примѣненіи методовъ мышленія, принятыхъ въ естественныхъ наукахъ, ко всѣмъ вопросамъ, философскимъ и соціальнымъ, теоретическимъ и практическимъ. Въ чемъ сказывается у него это приложеніе естественно-научнаго метода тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вопросахъ, составляющихъ основу соціологіи: о природѣ тѣхъ явленій, которыя мы опредѣляемъ какъ соціальныя, объ источникахъ и происхожденіи общественной связи, о факторахъ развитія общества и объ общемъ направленіи этого развитія?

Мы можемъ, мнѣ кажется, намѣтить въ соціологическихъ взглядахъ П. А. Кропоткина три основныхъ черты, находящихся въ прямой зависимости отъ этого общаго методологическаго принципа. Это, во первыхъ, преобладающая роль, которую играютъ у него т. наз. конкретныя науки объ обществѣ — этнографія, исторія культуры, исторія и т. д. — по сравненію съ апріорными соціологическими системами. Это, во вторыхъ, примѣненіе дедуктивнаго метода къ вопросу о томъ, съ чего должно начинаться изученіе жизни общества. Это, наконецъ, построеніе этики на основаніи результатовъ, добытыхъ естественными науками. *)

Конкретныя науки объ обществѣ, какъ извѣстно, родились и получили блестящее развитіе въ ту богатую умственною жизнью эпоху, когда умами овладѣла эволюціонная теорія, когда пропасть, существовавшая между человѣческимъ міромъ и міромъ другихъ органическихъ существъ, закрылась, и къ изученію перваго стали примѣнять тѣ самые пріемы, которые привели къ такимъ цѣннымъ результатамъ въ изученіи второго. Вся богатѣйшая литература, которая существуетъ теперь о жизни дикихъ народовъ и первобытнаго человѣка, объ ихъ культурѣ, объ исторіи религій, общественныхъ учрежденій, экономической жизни, техникѣ и т. д., и т. д., обязана своимъ существованіемъ торжеству эволюціонной точки зрѣнія въ біологіи. Эти изслѣдованія создали ничто иное какъ *естественную исторію человѣка*, и теперь знакомство съ нею составляетъ необходимое условіе всякой соціологической работы. Мы знаемъ, какое громадное количество фактовъ, добытыхъ именно въ этихъ областяхъ знанія, легло въ основу «Взаимопомощи среди животныхъ и людей, и какъ эти факты, вмѣстѣ съ другими, почерпнутыми изъ жизни животныхъ, привели П. А. Кропоткина къ тому, что онъ отмѣтилъ, какъ существенную черту жизни всѣхъ обществъ — цивилизованныхъ и дикихъ, и даже не только человѣческихъ, но и животныхъ — развитіе въ нихъ различныхъ видовъ *взаимной поддержки*. Унаслѣдованная отъ животнаго міра, гдѣ она является важнымъ факторомъ, обезпечивающимъ выживаніе даннаго вида въ борьбѣ за существованіе, взаимопомощь обнаружилась уже на зарѣ жизни человѣчества и была даже необходимымъ условіемъ его появленія на землѣ: не будь нашъ обезьяноподобный предокъ животнымъ общественнымъ, онъ никогда не выработался бы въ настоящаго человѣка. Дальше, въ человѣческой исторіи, стремленіе къ взаимопомощи проходитъ красною нитью черезъ всѣ эпохи. «Всякій разъ, когда человѣчеству предстояло выработать новую соціальную организацію, приспособленную къ новой фазѣ развитія, его созидательный геній всегда почерпалъ вдохновеніе и необходимые ему элементы изъ этой вѣчно живой тенденціи. Новые экономическіе и соціальные институты, поскольку они являются твореніемъ массъ, новыя этическія системы и новыя религіи, — всѣ они появлялись на свѣтъ божій изъ одного и того же источника, и этическій прогрессъ нашей расы, въ своихъ существеннѣйшихъ чертахъ, является лишь постепеннымъ расширеніемъ принциповъ взаимопомощи съ племени на все большіе и большіе агломераты, вплоть до того момента, когда въ одинъ прекрасный день они, наконецъ, не охватятъ все человѣчество, безъ различія вѣры, языка и расы. **)

Расширеніе принциповъ общественности лежало во всѣ вѣка въ основѣ освободительныхъ народныхъ движеній, и во всѣ вѣка точно также боролось съ ними государство во имя своего, совершенно обратнаго, стремленія: разбить всѣ общественныя связи, «распылить» общество, изолировать людей другъ отъ друга, чтобы всѣхъ ихъ вмѣстѣ подчинить своей власти. Это — борьба общества съ государствомъ, борьба между двумя созданіями исторіи, которыя такимъ образомъ, не только не являются связанными между собою фактически и логически, но совершенно противуположными по духу и интересамъ. Дѣйствительною общественною связью, единственною, которая обезпечиваетъ существованіе общественной жизни, является въ этомъ антагонизмѣ связь добровольная, унаслѣдованная человѣчествомъ отъ всего его прошлаго, опирающаяся именно на потребность взаимопомощи. Роль же госу-

---

*) Замѣтимъ, кстати, что этика играетъ въ соціологическомъ міровоззрѣніи П. А. Кропоткина гораздо болѣе существенную роль, чѣмъ въ большинствѣ другихъ соціологическихъ, въ частности соціалистическихъ теорій, и что ту потребность въ построеніи соціалистической этики. на необходимость которой указываетъ, между прочимъ, В. Черновъ въ своей статьѣ «Этика и политика» («Завѣты» № 2) П. А. Кропоткинъ почувствовалъ и попытался удовлетворить уже давно.

**) «Взаимопомощь среди животныхъ и людей», глава: «Взаимопомощь въ новѣйшее время».

дарства всегда сводилась къ ослабленію этой связи, которая въ наши дни у цивилизованныхъ народовъ живетъ лишь въ угнетенныхъ классахъ, да въ борющихся за освобожденіе группахъ. Широкое развитіе ея цѣликомъ лежитъ въ будущемъ, когда исчезновеніе государства дастъ просторъ общественнымъ инстинктамъ человѣчества.

* * *

Въ брошюрѣ «Анархія. ея философія, ея идеалъ» указывается другая основная черта примѣненія естественно-научныхъ методовъ мышленія къ изученію явленій общественныхъ. Естественныя науки, по самому характеру своему, имѣютъ дѣло только съ реальными предметами, реальными явленіями, реальными существами; когда, восходя отъ нихъ къ общимъ выводамъ, онѣ пользуются абстрактными понятіями, онѣ никогда не забываютъ, что это именно — не болѣе какъ *понятія*, необходимыя для насъ по условіямъ нашего мышленія, но не имѣющія никакого самостоятельнаго существованія. Это — во-первыхъ Во-вторыхъ, тенденція современнаго естествознанія — начинать изученіе не съ крупныхъ аггрегатовъ, а съ мельчайшихъ частицъ, ихъ составляющихъ (въ химіи — съ атомовъ, въ біологіи — съ клѣтокъ и т. д.). Если мы приложимъ тотъ же методъ къ соціологіи, то придемъ къ заключенію, что изученіе человѣческаго бщества должно начинаться съ изученія составляющихъ его единицъ, т. е. отдѣльныхъ *личностей*.. Только за ними мы можемъ признать дѣйствительное существованіе; все остальное — общество, государство, право, законъ — ничто иное, какъ понятія, созданныя для обозначенія извѣстныхъ взаимоотношеній личностей между собою, но сами по себѣ никакого самостоятельнаго существованія не имѣющія, а потому не имѣющія ни интересовъ, ни правъ, ни судебъ, отдѣльныхъ отъ интересовъ, правъ или судебъ составляющихъ общество единицъ. Какое же основаніе, кромѣ пережитковъ стараго метафизическаго реализма, могутъ имѣть подъ собою всѣ тѣ системы, которыя признаютъ самодовлѣющее значеніе за всѣми этими абстракціями и интересы реальныхъ личностей приносятъ въ жертву то интересамъ Государства, то интересамъ Общества то интересамъ Производства?

Общественныя формы существуютъ *для* личностей и благодаря тому, что въ этихъ личностяхъ живетъ неотъемлемый отъ человѣка духъ общественности. Исторія идетъ не черезъ голову личностей, унося ихъ куда-то въ своемъ теченіи, а происходитъ только черезъ *ихъ* посредство; на *нихъ*, на создаваемыхъ *ими* общественныхъ формахъ лежитъ дѣло прогресса.

Нельзя не отмѣтить здѣсь точки соприкосновенія между П. А. Кропоткинымъ и соціологами русской субъективной школы. Какъ и у нихъ, прогрессъ здѣсь разсматривается какъ прогрессъ *активный*, какъ и у нихъ, этотъ прогрессъ заключается одновременно въ «наиболѣе полномъ развитіи личности» и во «внесеніи истины и справедливости въ общественныя формы» — говоритъ П. Л. Лавровъ, въ «наибольшемъ развитіи добровольныхъ союзовъ», въ наступленіи «свободнаго коммунизма», «равенства на дѣлѣ» — говоритъ П. А. Кропоткинъ Есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣчто общее въ соціологическихъ взглядахъ П. А. Кропоткина, какъ, впрочемъ, и во взглядахъ нашихъ субъективистовъ, съ системою Лерстера Уорда, тоже основанною на активномъ вмѣшательствѣ личности. Тѣмъ не менѣе ни къ одной изъ этихъ школъ П. А. Кропоткина причислить нельзя — опять таки вслѣдствіе того, что онъ вездѣ становится на точку зрѣнія естествоиспытателя. Лавровъ, напримѣръ, беретъ личность такъ какъ она есть и разсматриваетъ ее въ исторической жизни: работу ея мысли, ея вліяніе на общественныя формы, преобразованіе этихъ формъ и т. д... *До* того момента, когда данная личность становится соціологическимъ факторомъ, она не подлежитъ его изслѣдованію. П. А. Кропоткинъ, наоборотъ, ставитъ именно вопросъ о *предварительной* эволюціи этой дѣйствующей личности, о томъ, что заставляетъ ее создавать прогрессъ именно въ направленіи расширенія справедливости, равенства и общественности. Иными словами, онъ спрашиваетъ себя: какіе факты психической жизни могутъ дать намъ указанія на источникъ этихъ стремленій?

* * *

Въ классификаціи наукъ, данной Контомъ, явленія, изучаемыя каждою данною наукою, находятъ себѣ. какъ извѣстно, объясненіе въ явленіяхъ и законахъ науки, стоящей на непосредственно предшествующей ступени. Вслѣдъ за физикою, основанною на механикѣ, за химіею, основанною на физикѣ, мы находимъ біологію, ищущую ключа къ объясненію явленій въ результатахъ физики и химіи. За біологіею въ системѣ Конта слѣдуетъ соціологія: отъ изученія отдѣльнаго организма мы переходимъ къ изученію совокупности органганизмовъ.

Такой ходъ мысли является во времена Конта совершенно естественнымъ; это было единственно-возможное примѣненіе строго-научнаго метода. А между тѣмъ попытки непосредственнаго приложенія біологическихъ данныхъ къ явленіямъ соціологіи оказались неудачными: наиболѣе крупная и наиболѣе совершенная изъ нихъ — теорія Спенсера — построена не болѣе, какъ на простой аналогіи, на смѣшеніи физіологическаго раздѣленія труда съ соціальнымъ, и, кромѣ того, слишкомъ оно обнаруживаетъ пристрастіе ея творца къ вполнѣ опредѣленной формѣ общественнаго порядка — къ той формѣ, которая основана на раздѣленіи общества на классы. Откуда же взялось это противорѣчіе между совершенно вѣрною исходною точкою: необходимостью опираться на естествознаніе при изученіи общественныхъ наукъ, и печальными результатами, полученными на этомъ поприщѣ?

Разрѣшеніе этого противорѣчія соціологическая мысль нашла уже послѣ Конта: тогда, когда психологія, которая во времена Конта была умозрительною и связывалась скорѣе съ метафизическою философіею, чѣмъ съ естествознаніемъ (потому-то она и не вошла въ его классификацію), стала дѣлаться положительною наукою. Для этого она воспользовалась съ одной стороны *изученіемъ функцій нервной системы*, съ другой — сравнительнымъ изученіемъ *различныхъ проявленій психической жизни у животныхъ и у людей*. Она оказалась тогда тѣмъ промежуточнымъ звеномъ между біологіей и соціологіей, отсутствіе котораго дѣлало тщетными всѣ попытки перескочить непосредственно отъ первой ко второй.

«Ученіе о природѣ общежитія», — говоритъ М. М. Ковалевскій *) — «стоитъ очевидно въ самомъ тѣсномъ отношеніи съ ученіемъ о жизни организмовъ, жизни органической и психической... Происходящій въ настоящее время переворотъ въ сферѣ психологіи, ея все большій и большій разрывъ съ метафизикой и переходъ частью въ психо-физику, частью въ психо-соціологію, въ которой субъективный методъ самонаблюденія уступаетъ мѣсто болше объективному, — наблюденія надъ психикой кружковъ, толпы, націй и т. д., въ свою очередь вызываетъ необходимость пересмотра многаго изъ того, что считалось уже болѣе или менѣе установленнымъ въ соціологіи».

Въ настоящее время всякая попытка примѣненія естественно-научныхъ данныхъ къ соціологіи должна, такимъ образомъ, пройти черезъ посредство психологіи. Въ соціологическихъ построеніяхъ П. А. Кропоткина мы встрѣчаемся именно съ этимъ пріемомъ, подсказываемымъ всею современною наукою: между біологіею и соціологіею лежитъ у него сравнительная психологія. Мы видѣли это, когда говорили о роли *взаимопомощи*: развитіе этого психическаго фактора прослѣживается сравнительно у животныхъ и у человѣка до-историческаго и историческаго. То же самое можно сказать о такихъ психическихъ свойствахъ личности, какъ состраданіе, общительность, солидарность и проч. Появленіе на сцену научной психологіи дало П. А. Кропоткину возможность поставить и разсмотрѣть вопросъ о томъ, откуда берутся у личности, носительницы прогресса, ея лучшія стремленія. Это приводитъ насъ къ вопросу о научномъ обоснованіи этики.

* * *

Какія требованія можно, вообще говоря, предъявлять къ попыткамъ научнаго изученія вопроса о нравственности? Можемъ-ли мы ожидать отъ нихъ выработки системы нравственныхъ правилъ, исполненія которыхъ потребуютъ отъ насъ на основаніи такого общаго принципа, передъ которымъ должны склоняться наши индивидуальныя желанія? Можетъ-ли, другими словами, наука выработать намъ кодексъ *обязательной* нравственности, и на чемъ можетъ она основать эту обязательность?

Очевидно, нѣтъ. Все, что можетъ дать намъ работа науки это — указанія на то, *откуда произошло* нравственное чувство, какую роль оно играетъ въ физическомъ и духовномъ благополучіи человѣка и какія формы и степени развитія его *наиболѣе полно удовлетворяютъ его психическимъ потребностямъ*. А затѣмъ уже наше дѣло будетъ, слѣдовать или не слѣдовать этимъ указаніямъ: отъ этого будетъ зависѣть только сумма нашего собственнаго счастья. Другой обязательности для насъ научное изученіе нравственнаго чувства создать не можетъ.

Этимъ основнымъ положеніемъ руководствуется П. А. Кропоткинъ въ своихъ работахъ по этикѣ. Ни о какомъ обстоятельномъ изложеніи хода его мышленія въ этихъ сложныхъ вопросахъ здѣсь не приходится даже и мечтать. Оно, кромѣ того, было бы излишне: въ «Нравственныхъ началахъ анархизма» намъ это изложеніе дается въ настолько ясной и сжатой формѣ, что намъ лучше всего отослать товарищей къ нему. Напомнимъ только нѣкоторыя черты этой системы нравственности, особенно ясно указывающія на ея естественно-научное. сравнительно-психологическое основаніе. «Каковъ бы ни былъ поступокъ человѣка, какой бы образъ дѣйствія онъ не избралъ, *онъ всегда поступаетъ такъ, повинуясь потребности своей природы*... Искать удовлетворенія потребности, избѣгать того, что мучительно, таковъ всеобщій фактъ (другіе скажутъ «законъ») жизни. Въ этомъ

*) «Современные соціологи». Вступленіе, стр. VII.

— самая сущность жизни. Безъ такого исканія удовлетворенія, жизнь стала бы невозможною. Организмъ распался бы, прекратилось бы существованіе». *) Это — первое положеніе. Но «слѣдуетъ-ли изъ этого, что поступки человѣка безразличны», что нѣтъ на свѣтѣ ни добра, ни зла, разъ все естественно вытекаетъ изъ природы вещей? Вовсе нѣтъ: различные пріятные и отвратительные запахи, напримѣръ, тоже вытекаютъ изъ природы вещей, и однако никто не скажетъ, что они безразличны для человѣческаго обонянія. Точно также наше чувство возмущается противъ извѣстнаго рода поступковъ и, наоборотъ мы чувствуемъ удовольствіе при видѣ другихъ, которые находимъ хорошими. Это различіе, которое мы неизбѣжно дѣлаемъ — тоже въ порядкѣ вещей, и тоже связано съ самой нашей природой.

«Понятіе о добрѣ и злѣ существуетъ, такимъ образомъ, въ человѣчествѣ. На какой-бы низкой ступени умственнаго развитія не стоялъ бы человѣкъ, какъ-бы ни были запутаны его мысли всякими предразсудками или соображеніями о личной выгодѣ, онъ все-таки считаетъ добромъ то, *что полезно обществу, въ которомъ онъ живетъ и зломъ — то, что вредно этому обществу*». («Нравственныя начала», стр. 29.) Происхожденіе этого понятія легко объяснимо: оно выработалось еще въ животномъ царствѣ (конечно, не какъ понятіе, а какъ общественная привычка), какъ орудіе самосохраненія въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями. Въ этомъ — источникъ нашего нравственнаго чувства, въ частности — нашего понятія о равенствѣ и справедливости.

Но это еще не вся нравственность. Мы знаемъ, что есть у людей способность отдавать другимъ, наперекоръ строгой справедливости, больше, чѣмъ они сами получаютъ отъ нихъ. Есть подвиги самоотверженія — громкіе и тихіе. Это — «нравственность будущаго», истинная нравственность. Чѣмъ же объясняется эта способность къ самоотверженію?

П. А. Кропоткинъ находитъ отвѣтъ на это у Гюйо (который самъ пользовался очень широко работами такихъ извѣстныхъ психологовъ, какъ Рибо). «Въ основѣ этихъ проявленій человѣческой природы, писалъ Гюйо, лежитъ *сознаніе своей собственной силы. Это — жизнь бьющая черезъ край, стремящаяся проявиться*... Чувствуя внутренно, что мы *способны* сдѣлать... мы тѣмъ самымъ приходимъ къ сознанію, что мы *должны* сдѣлать». Эта трата силъ — необходимое условіе жизни: «*жизнь можетъ поддерживаться, только расточаясь*». («Нравственныя начала» стр. 54 и 55).

И чѣмъ больше даетъ человѣкъ своей энергіи, тѣмъ полнѣе его жизнь, тѣмъ выше его счастье. Отдавая, онъ не только не насилуетъ свою психическую природу, а поступаетъ именно въ соотвѣтствіи съ нею. Насилуютъ ее тѣ неблагопріятныя условія, которыя мѣшаютъ этому расцвѣту нравственныхъ силъ, съуживаютъ, сдавливаютъ горизонтъ нравственной дѣятельности. Научное изслѣдованіе развитія нравственнаго чувства показываетъ намъ, что высшая степень этого развитія совпадаетъ съ высшею степенью гармоническаго удовлетворенія психическихъ потребностей человѣка.

На этомъ мы кончимъ. Есть особенное величіе въ томъ, что работа научной мысли, начавшись въ какихъ-нибудь микроскопическихъ изслѣдованіяхъ клѣтки, поднимаетъ насъ затѣмъ на такія вершины нравственности, гдѣ захватываетъ духъ. До этихъ высотъ никогда не достичь тому, кто источникъ вѣры въ человѣка ищетъ не въ человѣкѣ самомъ, а въ чемъ-то внѣ его стоящемъ... Этой вѣрѣ насъ учитъ вся жизнь, вся дѣятельность того, кому мы посылаемъ горячій привѣтъ въ день 9-го декабря, кто показалъ намъ, какъ можетъ человѣкъ «расточать свое чувство, свой разумъ и свою активную силу на служеніе человѣчеству, ничего не требуя себѣ въ замѣнъ».

М. Корнъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ТВОРЧЕСТВА П. А. КРОПОТКИНА.

Въ предисловіи къ «Запискамъ революціонера», критикъ Брандесъ, между прочимъ, замѣчаетъ: по мнѣнію Кропоткина, «основой всякой организаціи должна служить высоко-нравственная личность. Это какъ разъ приложимо къ нему самому. Жизнь создала изъ него *краеугольный камень будущаго строя*». (Курсивъ нашъ). И еще: «авторъ (Кропоткинъ) не принадлежитъ къ числу лицъ, которыя охотно говорятъ о себѣ; когда ему приходится упомянуть о себѣ, то онъ дѣлаетъ это, какъ будто противъ воли и съ нѣкоторой робостью. Авторъ не говоритъ ни о своихъ недостаткахъ, ни о своихъ добродѣтеляхъ; онъ не вступаетъ съ читателемъ ни въ какую вульгарную интимность». (Георгъ Брандесъ. Предисловіе. См. «Записки Революціонера«).

Отмѣченныя Брандесомъ черты характеризуютъ не только индивидуальность, но отчасти и творчество П. А. Кропоткина.

Нѣкоторые соціологи утверждаютъ, что двигателемъ исторіи является конфликтъ между личностью и обществомъ. Этотъ конфликтъ, по ихъ мнѣнію, неизбѣженъ, неустранимъ.

Личность стремится къ тому, чтобы развернуть свои силы, а для этого ей необходимо освободиться отъ гнета всесильнаго общества. Общество-же съуживаетъ размахъ личности. Оно создаетъ обычаи, законы, нормы — и все это для того лишь, чтобы удержать въ должныхъ границахъ буйную, непокорную индивидуальность.

Подобное воззрѣніе, конечно, ошибочно: личность и общество трактуются, какъ абстрактныя, замкнутыя «единицы...» «Общество», «личность» превращаются въ какія-то безкровныя, застывшія «понятія»; каждому понятію предварительно приписываются абстрактныя же «свойства», причемъ свойства «личности» таковы, что стоятъ въ рѣзкомъ и непримиримомъ антагонизмѣ со свойствами «общества». Понятно, что построенная на такомъ фундаментѣ философія исторіи должна неизбѣжно прійти къ выводамъ о существованіи вѣчнаго антагонизма.

Мы, конечно, не отрицаемъ того факта, что реальная жизнь даетъ не мало иллюстрацій, свидѣтельствующихъ о конфликтѣ личности и общества; не слѣдуетъ только возводить эти факты въ «вѣчный» законъ, въ принципъ исторіи.

Предустановленной гармоніи между личностью и обществомъ, конечно, нѣтъ. Эта гармонія вырабатывается въ результатѣ борьбы, при томъ борьбы не съ абстрактнымъ обществомъ, а съ данной формой или, еще точнѣе, съ данными чертами опредѣленной общественной организаціи.

Личность въ самомъ обществѣ-же находитъ точку опоры для побѣдоносной борьбы, ибо общество вовсе не прирожденный врагъ личности.

И все-же, повторяемъ, факта наличности конфликта отрицать не приходится. Цѣлые періоды исторіи окрашены этой борьбой. И часто въ зависимости отъ историческихъ условій, борьба эта принимаетъ характеръ противопоставленія личности, себя — народу, массѣ. Въ такіе періоды личность смотритъ на себя, какъ на самоцѣль, хочетъ быть центромъ исторіи. Зарожденіе подобнаго движенія можно наблюдать во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Кончился величественный періодъ хожденія въ народъ. Смолкли голоса борцовъ «Народной Воли». На фонѣ общественнаго равнодушія, безвѣрія начинаетъ вырабатываться интеллигентскій индивидуализмъ. Раздаются голоса, протестующіе противъ заполненія литературы мужикомъ. «Мужикъ да мужикъ, народъ да народъ»... «Мы тоже хотимъ; дайте и намъ». Такъ характеризовалъ Г. И. Успенскій зачаточный періодъ интеллигентскаго индивидуализма. «Еще недавно многіе» — говоритъ Короленко — «требовавшіе «и себѣ» красоты, мечты, яркихъ красокъ и вниманія — не только не требовали этого, но даже, забывали о себѣ, отдавали все личное меньшему брату. Но жизнь, обманутыя ожиданія завели ихъ въ тупой переулокъ, изъ котораго какъ будто не было выхода... Началось *само*углубленіе, *само*усовершенствованіе, рѣшеніе вопросовъ изолированной личности, внѣ связи съ общественными вопросами, до тѣхъ поръ властно занимавшими умы и сердца. «Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ себя» — съ обычной мѣткостью характеризовалъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій одну сторону этого настроенія. Огорченный и разочарованный, русскій интеллигентный человѣкъ углубился въ себя, уходилъ въ культурные скиты или обиженно требовалъ «новой красоты», становясь особенно капризнымъ относительно эстетики и формы». (Влад. Короленко, «Отошедшіе» стр. 7).

Мы всѣ знаемъ, что Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ всегда боролся и борется съ индивидуализмомъ подобнаго рода, что Кропоткину *органически чужда* психологія «культурнаго скита». И назначеніе интеллигенціи онъ видитъ, конечно, не въ томъ, чтобы

---

*) «Нравственныя начала анархизма», стр. 16.

перенести центръ вниманія съ мужика на себя, дабы такимъ образомъ насладяться «вниманіемъ, упиваться яркими мечтами»... И калалось-бы, что П. А. Кропоткинъ долженъ враждебно относиться къ самой идеѣ «самоутвержденія», быть склоннымъ къ замѣнѣ идеи самоутвержденія идеей *самоуничтоженія* личности. Но такъ ли это?

Слѣдующія слова Кропоткина даютъ достаточно ясный отвѣтъ: *«Я, конечно, менѣе всего склоненъ недооцѣнивать роль, которую самоутвержденіе личности играло въ развитіи человѣчества.»* (Курсивъ нашъ Р.) Но этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требуетъ разсмотрѣнія гораздо болѣе глубокаго, чѣмъ какое онъ встрѣчалъ до сихъ поръ. Въ исторіи человѣчества самоутвержденіе личности часто представляло и продолжаетъ представлять нѣчто совершенно отличное и нѣчто болѣе обширное и глубокое, чѣмъ та мелочная, неразумная умственная узость, которую большинство писателей выдаетъ за «индивидуальность» и «самоутвержденіе». Равнымъ образомъ, двигавшія исторію личности вовсе не сводились на однихъ тѣхъ, кого историки изображаютъ намъ въ качествѣ героевъ». («Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи», введеніе, стр 10).

Итакъ, самоутвержденіе личности играло и играетъ роль въ прогрессивномъ развитіи человѣчества.

Но есть самоутвержденіе «обширное и глубокое», и самоутвержденіе «мелочное» плодъ, «умственной узости».

Каково различіе между этими двумя типами индивидуалистовъ.

«Узкій» индивидуализмъ характеризуется *эгоцентризмомъ.* Человѣкъ знаетъ только лишь себя. Чужія радости, чужое горе ему недоступны. На всякое событіе, чуть-ли не на всю исторію, узкій индивидуалистъ смотритъ — порой безсознательно — какъ на иллюстрацію къ своей жизни, своего только переживанія. Психологію узкаго индивидуализма и характеризующій его эгоцентризмъ вскрываетъ передъ нами Л. Н. Толстой въ лицѣ Наполеона, И дѣлаетъ онъ это такъ глубоко, такъ поразительно просто! Къ Наполеону пріѣзжаетъ Балашевъ, посланникъ Александра I. Наполеонъ выходитъ къ нему. «Очевидно было — говоритъ Толстой — что его (Наполеона) нисколько не интересовала личность Балашева. Видно было, что только то, что происходитъ въ *его* душѣ, имѣло интересъ для него. *Все, что было внѣ его, не имѣло для него значенія*, (Курсивъ нашъ. Р.) потому что, все въ мірѣ, какъ ему казалось, зависитъ отъ его воли.» («Война и Миръ». стр. 32). Ошибочно думать, нѣтъ что эта черта присуща только «великимъ» людямъ, въ этихъ краткихъ словахъ дана чуть-ли не формула эгоцентризма, свойственнаго и великому и малому. А какъ типично и глубоко описаніе уродливой безтактности, грубости и объясненіе этой грубости Наполеона, даваемое Толстымъ. «За столомъ, посадивъ около себя Балашева, онъ обращался съ нимъ не только ласково, но обращался такъ, какъ будто онъ и Балашева считалъ... въ числѣ тѣхъ людей, *которые сочувствовали его планамъ, и должны были радоваться его успѣхамъ»* (стр. 41). Не забудьте, что передъ Наполеономъ — представитель *враждебной* страны; что предложенія Балашева Наполеонъ не принялъ и кровавая развязка дѣлается почти неминуемой. Но самоупоеніе, эгоцентризмъ стираетъ все, затемняетъ все, и Наполеонъ въ это мгновеніе увѣренъ, что всѣ должны радоваться *его* успѣхамъ!

Казалось-бы, что понять и объяснить корни узкаго индивидуализма очень легко: ясно, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, ищущими наслажденія, только наслажденія и — *только для себя*. Но это не такъ. Такой взглядъ — поверхностенъ, ошибоченъ: узкій индивидуализмъ, въ его рѣзко выраженной формѣ, *часто служитъ источникомъ глубокихъ страданій* для самого индивидуалиста. И хотѣлъ-бы человѣкъ заглушить назойливый крикъ своего «я», слиться душой съ радостями другихъ, да не можетъ онъ этого сдѣлать. Онъ прикованъ къ своему «я», какъ каторжникъ къ тачкѣ...

Есть популярная народная сказка: жилъ-былъ пѣвецъ, «простой и свободный». Онъ не зналъ власти надъ собой и не хотѣлъ властвовать. Но вотъ кто-то неразумно облагодѣтельствовалъ пѣвца: подарилъ ему много золота. Исчезла свобода. Все думалъ бѣдняга о томъ, что вотъ придутъ, похитятъ, убьютъ... Появились заботы, боязнь, а съ ней и вражда. Только вотъ догадался человѣкъ — бросилъ золото и опять обрѣлъ покой и душевный миръ.

Повторяемъ, для индивидуалиста его «я» порой является тяжкимъ бременемъ. «Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя» — это легко сказать, а на самомъ дѣлѣ скучно это: что-же, небольшой «скитъ», а вокругъ — такая громадная пустыня... Хочется сбросить тяжелую ношу... *И тогда-то на сцену выступаетъ антиподъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родное дитя уродливаго индививидуализма — аскетизмъ.* Аскетизмъ — это вовсе не здоровое желаніе уплатить долгъ народу, — нѣтъ; аскетизмъ — больное рѣшеніе больного духа. Разъ это «я» — бремя неудобоносимое, то его слѣдуетъ свергнуть, надо отречься отъ самого себя: не удалось *самоутвержденіе* — авось удастся *самоотреченіе*.

Этотъ моментъ перехода самоутвержденія въ самоотреченіе прекрасно переданъ Гаршинымъ въ его разсказѣ: «Ночь». Герой разсказа, наканунѣ самоубійства, осуждаетъ свое прошлое; только теперь онъ понялъ, *какъ* надо жить, съ чѣмъ ему надо бороться. «Надо не ставить на первое мѣсто *себя*. Вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное «я», которое, какъ глистъ, сосетъ душу и требуетъ себѣ все новой и новой пищи. Да откуда же я ее возьму? Ты уже все съѣлъ. Всѣ силы, все время было посвящено на служеніе тебѣ... Хоть ненавидѣль тебя, а все таки поклонялся, принося тебѣ въ жертву все хорошее, что мнѣ было дано».

Мы остановились подробнѣе на характеристикѣ «узкаго» индивидуализма, потому что считаемъ его типичнымъ анти-анархическимъ складомъ души; мы думаемъ, что тщательное изученіе этой психологіи косвенно дало бы много драгоцѣннаго матеріала для психологіи анархизма. Приведенныя выше слова Корленно очень характерны не только лишь для періода 80-хъ годовъ... Эти настроенія и теперь не умерли, ибо и теперь мы переживаемъ эпоху невѣрія въ общественность, наблюдаемъ обостреніе *больного* индивидуализма.

Рамки нашей статьи не позволяютъ намъ очертить типъ «глубокаго» индивидуализма. Мы бѣгло упомянемъ объ одной чертѣ; «глубокій» индивидуализмъ не боится «сверхличнаго» коллектива, «мужика», не боится, кабы онъ не потонулъ, точно капля въ морѣ. Но этого мало; это чисто отрицательная характеристика. Несравненно важнѣе положительная: только путемъ разрушенія «культурнаго скита», путемъ сліянія съ народомъ — личность второго типа проявляетъ свою индивиоуальность, утверждаетъ ее. Такой человѣкъ не требуетъ себѣ «вниманія», а мечты и яркія краски онъ находитъ тогда, когда ему удается свою лодочку привязать къ большому кораблю народнаго творчества.

И намъ кажется, что тщательное знакомство съ произведеніями Кропоткина и, черезъ нихъ, съ личностью его дастъ больше, чѣмъ теоретизированіе, въ смыслѣ ознакомленія съ индивидуализмомъ «широкимъ», лишеннымъ умственной узости.

Въ самомъ дѣлѣ: пусть читатель сдѣлаетъ маленькій опытъ самонаблюденія и онъ придетъ къ не лишеннымъ интереса выводамъ. Кропоткинъ, какъ намъ указывалъ Брандесъ, неохотно говоритъ о самомъ себѣ. Онъ съ удовольствіемъ перемѣщаетъ центръ вниманія на другого. И если-бы насъ спросили, что любитъ и что цѣнитъ Кропоткинъ «въ другомъ», мы-бы, безъ колебанія, отвѣтили: — *безымянный подвигъ*. Кропоткинъ какъ будто тщательно всматривается въ исторію человѣчества, изучаетъ, тщательно и бережно подбираетъ *подвиги тихіе, безшумные*. Кропоткинъ черезъчуръ хорошо знаетъ, что «не вокругъ творцовъ но-

ваго шума вращается міръ», и потому такъ скептически относится ко многимъ оффиціальнымъ героямъ. Не даромъ онъ осторожно подчеркиваетъ, что «двигавшія исторію личности вовсе не сводились на однихъ тѣхъ, кого историки изображаютъ намъ въ качествѣ героевъ». Да, Кропоткинъ мало говоритъ о себѣ. Но поразительное явленіе: — чѣмъ *меньше* Кропоткинъ говоритъ о себѣ, тѣмъ *ярче* встаетъ передъ вами его образъ. Чѣмъ дальше онъ какъ-бы уходитъ отъ своего «я», тѣмъ рельефнѣе выступаетъ личность, духовный обликъ Кропоткина, Не навязчиво, не шумно, а какъ-то тихо и сосредоточенно выступаетъ образъ того, кто все время не о себѣ, а о другомъ говоритъ. Это своеобразное сочетаніе «самоотреченія и «самоутвержденія» заслуживаютъ глубокаго вниманія; и не въ этомъ-ли причудливомъ сочетаніи надо искать объясненія того факта, что Кропоткинъ «сдѣлался краеугольнымъ камнемъ будущаго общественнаго строя»?

И не этотъ-ли *органическій* синтезъ личнаго и общественнаго предохранилъ Кропоткина отъ отчаянія, пессимизма, въ который такъ часто впадаютъ иныя глубокія, чуткія натуры?

Мы знаемъ, вѣдь, что Кропоткинъ пережилъ глубокій кризисъ. Не многимъ дано было пережить его съ такой глубиной!

Мы говоримъ о томъ моментѣ, когда Кропоткинъ не только понялъ, но, съ глубокой болью, почувствовалъ трагедію прогресса: съ одной стороны — роскошь, наслажденія; бурная, тревожная работа мысли; съ другой — нищета, безпримѣрныя муки, невѣжество, вѣковой гнетъ...

Но и эта трагедія не надломила Кропоткина. Вмѣсто безплодныхъ проклятій по адресу человѣчества, П. А. Кропоткинъ ищетъ активнаго выхода и спрашиваетъ: что *дѣлать*, что должно и можно *сдѣлать* для того, чтобы искоренить зло.

...«что за польза толковать крестьянину объ американскихъ машинахъ, когда у него едва хватаетъ хлѣба, чтобы перебиться отъ одной жатвы до другой? Когда арендная плата за эту, усѣянную валунами, землю растетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ улучшаетъ почву. Онъ грызетъ свою твердую, какъ камень, ржаную лепешку, которую печетъ дважды въ годъ, съѣдаетъ кусокъ невѣроятно соленой трески и запиваетъ снятымъ молокомъ.

...«Наука — великое дѣло. Я зналъ радости, доставляемыя ею и цѣнилъ ихъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ многіе, мои собратья. И теперь, когда я всматривался въ холмы и озера Финляндіи, у меня зарождались новыя, величественныя обобщенія. Я видѣлъ, какъ въ отдаленномъ прошломъ, на зарѣ человѣчества, въ сѣверныхъ архипелагахъ, на Скандинавскомъ полуостровѣ, скоплялись льды. Они покрыли всю сѣверную Европу и медленно расползлись до ея центра. Жизнь тогда исчезала въ этой части сѣвернаго полушарія и жалкая, невѣрная, отступала все дальше и дальше на югъ передъ мертвящимъ дыханьемъ громадныхъ ледяныхъ массъ. Несчастный, слабый, темный дикарь съ великимъ трудомъ поддерживалъ свое жалкое существованіе». И передъ глазами Кропоткина рисуется грандіозная картина, одновременное и великое открытіе. Онъ хочетъ ее передать въ мельчайшихъ частяхъ.

...«Но какое право имѣлъ я на всѣ эти высшія радости, когда вокругъ меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусокъ хлѣба! Когда все затраченное мною, чтобы жить въ мірѣ высшихъ душевныхъ движеній, неизбѣжно должно быть вырвано изо рта сѣющихъ пшеницу для другихъ, не имѣющихъ достаточно чернаго хлѣба для собственныхъ дѣтей? У кого-нибудь кусокъ хлѣба долженъ быть вырванъ изо рта, потому что совокупная производительность людей еще такъ низка.

...«Массы хотятъ знать... Вотъ тамъ, на гребнѣ громадной морены, тянущейся между озерами, какъ будто великаны насыпали ее поспѣшно, чтобы соединить два берега, стоитъ финскій крестьянинъ и погруженъ въ созерцаніе разстилающихся предъ нимъ прекрасныхъ водъ, усѣянныхъ островами. Ни одинъ изъ этихъ крестьянъ, какъ-бы бѣденъ и забитъ онъ не былъ, не проѣдетъ, не остановившись, не залюбовавшись, мимо этого мѣста. Иль, вонъ тамъ, на берегу озера, стоитъ другой крестьянинъ, и поетъ что-то до того прекрасное, что лучшій музыкантъ позавидовалъ-бы чувству и выразительности этой мелодіи. Оба крестьянина чувствуютъ, оба созерцаютъ, оба думаютъ. Они готовы расширить свое знаніе, — только дайте его имъ, только предоставьте имъ средства завоевать себѣ досугъ». («Зап. рев». стр. 224, 225, 226, 227).

Кропоткинъ не первый поставилъ эти вопросы; —« Кто дѣлъ своихъ цѣною злата не взвѣшивалъ, не продавалъ»—не можетъ не задуматься надъ тѣмъ, что прогрессъ оплачивается неимовѣрно дорогой цѣной; и это тяжелое бремя падаетъ на тѣхъ, которые благами культуры не пользуются. — на народъ. Правда; философы часто пытались успокоить совѣсть человѣчества: страданія, молъ, необходимы во имя окончательнаго торжества «объективной истины», «міровой гармоніи». Но это утѣшеніе для многихъ звучало горькой насмѣшкой. И можно смѣло сказать, что характерной чертой русской культуры является нежеланіе и неумѣніе успокоиться на утѣшеніяхъ, предлагаемыхъ философами-объективистами.

Бѣлинскій было успокоился, примирился съ «дѣйствительностью», но не надолго; ему душно стало въ нѣмецкой метафизической казармѣ, гдѣ царитъ такая великолѣпная, образцовая, всемертвящая дисциплина; онъ «дезертировалъ» и властно потребовалъ отчета объ участи «каждаго брата по крови», погибшаго во славу «Абсолюта»...

Достоевскій тревожно спрашиваетъ: «стоитъ-ли весь прогрессъ хотя бы слезинки одного ребенка».

Л. Н. Толстой бросилъ «j'accuse» (обвиняю) современному обществу, бросилъ съ изумительной страстностью и силой. Обиженный и оскорбленный за народъ, непримиримый врагъ пошлаго, сытаго «прогрессизма», Толстой навсегда затаилъ непріязнь къ «прогрессу», непріязнь, порой несправедливую, и къ наукѣ. Въ этомъ отношеніи Толстой является отчасти послѣдователемъ Руссо. Руссо не былъ пессимистомъ, но нота разочарованія всегда звучала въ его рѣчахъ; онъ не вѣрилъ въ прогрессъ, училъ, что золотой вѣкъ — позади насъ. Культура разобщила насъ съ природой, распалила нездоровые инстинкты — жадность, эгоизмъ, тиранію. Мысль Руссо прекрасно формулировалъ геніальный, доселѣ еще, быть можетъ, не понятый, Пушкинъ словами Алеко: «Любви стыдятся, мысли гонятъ, торгуютъ волею своей, главы предъ идолами клонятъ и просятъ денегъ и цѣпей».

Кропоткина не меньше, чѣмъ Толстого ужасаетъ вѣковое зло, тупое, наглое торжество «дикарей культуры». Но ни разочарованія, ни пессимизма вы у Кропоткина не найдете. И это не потому, что онъ просто, по натурѣ, не расположенъ къ пессимизму; нѣтъ, отсутствіе пессимизма глубоко связано съ основными чертами міровоззрѣнія П. А. Кропоткина.

Всѣ пессимистическія системы можно раздѣлить на два разряда: *на эмпирическій и принципіальный*. Эмпирическій пессимизмъ исходитъ изъ того положенія, что страданій въ мірѣ *больше*, чѣмъ наслажденій. За каждый мигъ радости мы платимся годами скорби, страданій.

Наслажденія, радость, — призракъ. Реальны лишь слезы да муки. Незрѣлый, грубо эмпирическій характеръ этого рода пессимизма заключается именно въ томъ, что онъ пытается свести все къ вопросу *количества*... Вполнѣ послѣдовательно нѣкоторые неглубокіе пессимисты пытались создать чуть-ли не таблицы, наглядно иллюстрирующія то положеніе, что страданій неимовѣрно *больше*, чѣмъ радости.

Но всякому должно быть ясно, что подобный методъ обоснованія пессимизма — безнадеженъ Если даже удастся подтвердить основное положеніе, то все же оно не можетъ служить фундаментомъ для пессимистическаго *міровоззрѣнія*. Правъ Зиммель, говоря, что страданіе и наслажденіе — качественно различны, что онѣ несоизмѣримы, одно другое не покрываетъ, не анулируетъ. Иное дѣло пессимизмъ критическій, принципіальный. Здѣсь, конечно, не мѣсто для подробнаго разбора пессимизма. Мы вынуждены догматически формулировать слѣдующее положеніе: *сущность принципіальнаго пессимизма сводится къ утвержденію того, что въ мірѣ нѣтъ творчества; человѣкъ не субъектъ, а объектъ въ исторіи*. Нѣтъ творчества, а потому тщетны и жалки всѣ попытки — выбиться изъ подъ власти суровой необходимости. Конечно, никто не мѣшаетъ

вамъ создавать себѣ тѣ или иныя психологическія иллюзіи, но, вѣдь, иллюзіи гибнутъ.

Унылый русскій поэтъ хорошо передалъ взглядъ пессимистовъ, увѣряющихъ, что человѣкъ всегда «жалокъ и слабъ», ибо его дѣйствія предопредѣлены, онъ-же самъ ничего не предопредѣляетъ:

«Съ воплемъ безсилья, съ крикомъ печали,
«Жалокъ и слабъ онъ явился на свѣтъ.
«Въ это мгновенье ему не сказали:
«*Выборъ свободенъ, живи или нѣтъ*».

И это фатальное мгновенье было звеномъ въ длинной цѣпи. Всѣ событія жизни — большія и «маленькія» одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ всегда и повсюду игрушка въ рукахъ внѣшнихъ силъ. Разумѣется, это-же воззрѣніе пессимистъ переноситъ и на всю человѣческую исторію. И надо сознаться, что есть такія эпохи въ исторіи человѣчества, которыя отчасти оправдываютъ подобныя воззрѣнія. Это тѣ періоды, когда насильники переходятъ всѣ возможныя границы, а народъ «безмолвствуетъ». И эта тупая покорность массъ вызываетъ чувство боли, возмущенія. Появляются признаки отчаянія:

Ты проснешься-ли, исполненный силъ,
Иль судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
Создалъ пѣсню, подобную стону
И духовно на-вѣки почилъ.

Можно смѣло сказать: вся дѣятельность Кропоткина, — какъ бы яркій, проникновенный отвѣтъ Некрасову: ...«Вонъ тамъ на берегу озера стоитъ другой крестьянинъ и поетъ что-то до того прекрасное, что лучшій музыкантъ позавидовалъ-бы чувству и выразительности его мелодій» («Записки революц.»). Нѣтъ — какъ бы говоритъ Кропоткинъ, — даже въ дни бѣдствій творчество народа не изсякаетъ настолько, чтобы ограничиться созданьемъ «пѣсни, подобной стону». И тутъ мы вплотную подошли къ отвѣту на вопросъ: почему такъ чуждъ пессимизмъ Кропоткину.

Пессимизмъ предполагаетъ *отсутствіе* творчества въ исторіи. Кропоткинъ утверждаетъ, что исторія, прогрессъ — продуктъ безымяннаго массового творчества. Ясно, что міросозерцаніе Кропоткина и міросозерцаніе пессимистовъ базируютъ на противоположныхъ положеніяхъ. Если бы въ мірѣ совсѣмъ не было творчества, то пессимизмъ имѣлъ-бы прочное основаніе. Если бы, наконецъ, это творчество концентрировалось только въ верхахъ, то было-бы понятно пессимистическое отношеніе къ роли массъ; но вѣдь *не правы* тѣ, которые утверждаютъ, что творятъ только единицы. Взглядъ Кропоткина можно было бы формулировать такъ: «не герои лишь, не одни лишь ученые, и ужъ навѣрное не государство, не судьи, не палачи сохранили, обогатили, облагородили жизнь на землѣ; требовались усилія сотенъ тысячъ невѣдомыхъ, безымяныхъ тружениковъ; творческой инииціативой массъ были созданы обычаи, нормы, регулирующія и облагораживающія общественную жизнь. Вамъ восхваляютъ героевъ; но изслѣдуйте тщательно, любовно изучайте, и вы убѣдитесь, что творчество и воля массъ служилили источникомъ свѣтлой мысли. И даже въ глухую полночь, когда кругомъ царилъ мракъ, мысль народная неустанно работала, и эта работа дѣлалась исходной точкой новаго подъема».

А если это такъ, то вѣдь понятно, до чего, должна быть чуждой П. А. Кропоткину логика пессимизма!

И вотъ что важно помнить. Подъ творчествомъ многіе разумѣютъ нѣчто торжественное, особенное, пышное... Что бы творить, необходимо, что бы «поэта» потребовалъ «къ священной жертвѣ Аполлонъ»... Не таково народное творчество, о которомъ говоритъ П. А. Кропоткинъ. *Это* творчество не всплескъ волны, не капризная мечта жреца, который въ руки «метлы не беретъ». Творчество народное тѣсно связано съ реальной, практической жизнью, оно незримо, глубоко проникаетъ *матерію* исторіи. Народное творчество имѣетъ свои законы, свои приливы и отливы. Часто тотъ, кто, казалось-бы, то лишь и дѣлаетъ, что «механически ржавой лопатою мерзлую землю долбить», подымается, свергаетъ иго устарѣлыхъ обычаевъ, ненавистныхъ законовъ, власть тупыхъ и надменныхъ тирановъ.

Но и въ тѣ дни, когда, казалось-бы, погасъ свѣтъ разума, изсякла энергія, замерла воля — и въ эти дни творчество народное не глохнетъ, а только уходитъ въ глубь; а тамъ въ глубинѣ, происходитъ глубокій процессъ накопленія, наростанія силъ. Эти силы, освобожденныя, и создадутъ новую жизнь, свѣтлую и радостную...

Ни эпоха застоя, ни временная покорность массъ не въ силахъ надломить вѣру Кропоткина, ибо онъ *чуетъ безпрерывное* творчество исторіи. И не это-ли чутье объяснитъ намъ, почему Кропоткинъ такъ легко преодолѣлъ «конфликтъ» между стремящейся къ самоутвержденію личностью и массой? Больше: не становится-ли яснымъ, при какихъ условіяхъ этотъ, какъ-бы объективно существующій, конфликтъ дѣлается призрачнымъ, исчезаетъ? Конечно, если народъ — лишь сырой матеріалъ, если масса — только *пребываетъ* аа землѣ, но не *творитъ*; если огонь тверчества горитъ только въ душѣ отдѣльной личности, — тогда понятно враждебное отношеніе личности къ чуждой ей стихіи — массѣ. Волей-неволей приходится уходить въ «культурный скитъ» и тамъ, въ уединеніи, вдали отъ массъ, культивировать свое «я». Но если масса — творитъ, если она, на своихъ плечахъ выноситъ борьбу *съ нетворческими* силами исторіи — государствомъ, закономъ, то ясно, что роковая, яко-бы фатальная, противоположность, между творческой личностью и творящей массой исчезаетъ. И на поставленный выше вопросъ мы можемъ отвѣтить такъ: *творческіе инстинкты влекутъ П. А. Кропоткина къ одной стихіи — къ вѣчному источнику творчества — къ народу*. И онъ идетъ къ народу не какъ повелитель, а какъ равный къ равному. Кропоткинъ такъ опредѣляетъ свои задачи среди народа: «Распространять среди нихъ (работниковъ) идеи, способныя направить ихъ усилія къ благу всѣхъ работниковъ вообще; углубить и расширить идеалъ и принципы, которые послужатъ основой будущей соціальной революціи; развить эти идеалы передъ работниками, — не какъ приказъ, исходящій отъ главарей партіи, но какъ послѣдствіе ихъ собственнаго размышленія: и, наконецъ, пробудить ихъ собственную инициативу, теперь, когда работники призваны на арену исторіи, чтобы выработать новый и справедливый строй» (358 «Зап. рев.») вотъ задача, выполненіе которой способствуетъ «развитію человѣчества».

Надуманной и лживой покажется ему вся эта, яко-бы фатальная, противоположность между эгоизмомъ и альтруизмомъ. Онъ даетъ указанія, какъ и при какихъ условіяхъ *счастье* личности сливается съ *благомъ* рода. «Будь силенъ; будь *великъ* во всѣхъ твоихъ поступкахъ; развивай свою жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ; будь, насколько это возможно, богатъ энергіей и для этого будь самымъ общественнымъ, и самымъ общительнымъ существомъ, — *если* только ты желаешь наслаждаться полною, цѣльною и плодотворною жизнью. Постоянно руководясь широко развитымъ умомъ, борись, рискуй — рискъ имѣетъ свои огромныя радости; смѣло бросай свои силы, давай ихъ, не считая, пока онѣ у тебя есть, на все то, что ты найдешь прекраснымъ и великимъ, — тогда ты насладишься наибольшею суммой возможнаго счастья. Живи *за одно* съ массами, и тогда, чтобы съ тобой ни случилось въ жизни, ты будешь чувствовать, что за одно съ твоимъ бьются тѣ именно сердца, которыя ты уважаешь, а *противъ* тебя тѣ, которыхъ презираешь».

П. А. Кропоткинъ сумѣлъ *на дѣлѣ* показать, что начертанный имъ «планъ» жизни осуществить возможно. И если жизнь его и мысли его такъ прекрасны, то это потому, что П. А. Кропоткинъ не чуждался, а жилъ, «за одно съ массами». И творческія усилія его не пропали даромъ: онъ сдѣлался «*краеугольнымъ камнемъ будущаго строя*».

Рощинъ.

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:

Zürich, Poste Banhof, Postfach 15496.